

О

НАЧАЛЬНОМЪ КІЕВСКОМЪ ЛѢТОПИСНОМЪ
СВОДѢ.

Исследованіе

А. А. Шахматова.

I—III.

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствит. Члена А. А. Шахматова.

О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ.

Сравнительное изслѣдованіе различныхъ списковъ такъ называемой первой Новгородской лѣтописи доказываетъ, что въ концѣ XII и въ первой четверти XIII в. въ Новгородѣ составились два лѣтописные свода, при чемъ второй сводъ вызванъ утратой перваго (или, вѣрнѣе, утратой большей части перваго свода), что оба свода восполняли новгородскія извѣстія описаніемъ событій обще-русскаго характера, причемъ первый сводъ заимствовалъ не новгородскія извѣстія изъ Повѣсти вр. лѣтъ, а второй изъ другой лѣтописи, весьма сходной съ Повѣстью вр. лѣтъ и представляющей тѣмъ древнѣйшимъ ядромъ, изъ котораго въ первой четверти XII ст. составилаь Повѣсть. Такимъ образомъ изученіе списковъ второго Новгородскаго свода приводитъ насъ къ возстановленію первоначальнаго свода, лежащаго въ основаніе Повѣсти вр. лѣтъ.

Настоящее изслѣдованіе имѣетъ цѣлью доказать это положеніе и опредѣлить составъ ядра, изъ котораго образовалась Повѣсть вр. лѣтъ. Для этого разбиваю свое изслѣдованіе на три главы: въ первой главѣ буду говорить объ исторіи составленія 1-го и 2-го Новгородскихъ сводовъ, а также позднѣйшаго свода XIII в. — Софійскаго временника; во второй главѣ останавлиюсь на томъ древнѣйшемъ Новгородскомъ лѣтописцѣ, извѣстія котораго соединены первымъ новгородскимъ сводчикомъ съ заимствованіями изъ Повѣсти вр. лѣтъ, а вторымъ новгородскимъ сводчикомъ съ заимствованіями изъ древнѣйшаго лѣтописнаго свода кіевскаго происхожденія (буду условно называть его Начальнымъ сводомъ); наконецъ, въ третьей главѣ разсмотрю составъ этого Начальнаго свода на основаніи данныхъ, представляемыхъ какъ Новгородской 1-ю лѣтописью, такъ и лѣтописцемъ, именуемымъ Архангелогородскимъ. Закончу свое изслѣдованіе указаніемъ на отношеніе Повѣсти вр. лѣтъ къ Начальному своду.

Г Л А В А I.

Новгородская 1-я лѣтопись.

Новгородскою 1-ю лѣтописью, со времени изданія III т. Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, принято называть Новгородскую лѣтопись по Синодальному списку, а также по спискамъ сходнымъ съ Синодальнымъ, продолжающимъ лѣтописный рассказъ лѣтъ на сто дѣлѣ Синодальнаго списка. Всѣ списки Новгородской 1-й лѣтописи можно раздѣлить на двѣ главныя редакціи, сообразно съ различіемъ въ началѣ ихъ, до 1074 года включительно. Въ виду того что Синодальный сп. потерялъ свое начало (въ части до 1016 года), основаніемъ для дѣленія списковъ Новгородской 1-й лѣтописи на редакціи служить различіе въ изложеніи событій отъ 1017 до 1074 г.

Въ спискахъ 1-й редакціи эти событія изложены весьма кратко, „какъ будто для памяти того, кто звалъ ихъ подробно“ (Срезневскій). Единственный списокъ этой редакціи—Синодальный, по палеографическимъ особенностямъ относящійся въ трехъ частяхъ своихъ къ тремъ вѣкамъ: XII, XIII и XIV. Писанъ тремя различными почерками, изъ которыхъ первый отъ словъ: „а въ плотницѣ соуще“ (1-ая стр. 1-го л.) продолжается до словъ: „възъима лѣтъ в до вѣлюца“ включительно (61 л., стр. 8—9); второй отъ словъ: „съ бѣлѣе до свинорта“ (61 л., стр. 9—10) до словъ: „а новгородьць тоу оуби“ (л. 108 об., послѣдняя строка)¹; третій отъ словъ: „ѿ мужь. феда ꙗкоувопча“ (л. 119, стр. 1-ая) до словъ „ча до ꙗ. го“ (л. 167); затѣмъ до конца рукописи (на двухъ съ половиною листахъ) идутъ различныя почерки XIV в. Въ началѣ рукописи не достаеъ, какъ видно изъ помѣтъ (на первыхъ листахъ каждой отдѣльной тетради), числа тетрадей по порядку, 15 первыхъ тетрадей, что составляетъ 120 листовъ. Счетъ тетрадей первыхъ двухъ почерковъ общій: оба почерка занимаютъ теперь въ рукописи 15 тетрадей; остальная часть написана третьимъ почеркомъ (кромѣ послѣднихъ листовъ), причемъ съ 119-го сохранившагося листа начинается новый счетъ тетрадей (внизу этого листа: ѿ). Это обстоятельство имѣетъ весьма существенное значеніе, такъ какъ указываетъ, что въ XIV в. рукопись оканчивалась 118-мъ листомъ на по-

¹ Въ изданіи Арх. ком. 1888 г. ошибочно указанъ конецъ 1-го почерка нѣсколькими строками выше; я знаю Синод. сп. не только по литогр. изд., но и по рукописи.

ловнѣ фразы, причемъ, очевидно, конецъ рукописи былъ утраченъ. Въ XIV в. утрата восполнена искусственнымъ соединеніемъ древней рукописи съ новѣйшимъ ея продолженіемъ. Ниже мы укажемъ, что сводчикъ XIV в., восполняя древнюю рукопись, списывалъ недостающій въ ней конецъ изъ другой рукописи.

Къ спискамъ 2-ой редакціи относятся: сп. XV в. Археографической комиссіи (оканчивается 1446 годомъ); сп. XV же вѣка Академіи Наукъ (оканчивается 1441 годомъ); сп. новѣйшаго письма бывшаго собранія гр. Толстаго (оканчивается 1444 годомъ). Описаніе этихъ трехъ списковъ, изъ которыхъ первые два утратили: первый—одинъ листъ, другой—нѣсколько листовъ въ началѣ, можно найти въ предисловіи къ изд. Новгородской лѣтописи 1888 г. Кромѣ того, мнѣ извѣстны: сп. Рум. муз. № 248, которымъ, несмотря на замѣчаемыя въ немъ сокращенія, не слѣдуетъ пренебрегать будущимъ издателямъ Новгородской 1-й лѣтописи; сп. Рум. муз. № 247 новѣйшаго письма (на 30 л.), копія съ Троицкой рукописи: здѣсь читаемъ весьма исправный и очень древній текстъ вплоть до разсказа объ убіеніи Бориса и Глѣба; затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ статей, изъ коихъ послѣднія двѣ не переписаны въ указанной рукописи Рум. муз. (ср. Русск. Дост. I, 76).

Исторія составленія обѣихъ редакцій Новгородской 1-й лѣтописи открывается путемъ сравнительнаго изученія списковъ этихъ редакцій.

Пмѣя въ виду согласіе (хотя не полное) лѣтописнаго разсказа въ обѣихъ редакціяхъ, пачиная съ 1077 года, и различіе въ частяхъ древнѣйшихъ, изслѣдователь, очевидно, долженъ прежде всего отвѣтить на вопросъ, принадлежитъ ли это различіе только лѣтописному разсказу 1016—1074 г., или оно замѣчалось также между начальными статьями обѣихъ редакцій? Это можно разрѣшить только предположительно, такъ какъ начало Синод. списка, какъ сказано выше, утрачено. Изслѣдователи отвѣчали на вопросъ, что именно заключалось въ началѣ Синод. сп., различно. Здѣсь не мѣсто излагать всѣ эти мнѣнія: отсылаю интересующихся литературою предмета къ изслѣдованію І. П. Сенигова „О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Великаго Новгорода“. Но останавлиюсь на выводахъ, къ которымъ пришелъ самъ г. Сениговъ, въ виду того, что изслѣдованіе его является значительнымъ шагомъ впередъ. Я съ удовольствіемъ подписался бы подъ этими выводами, показывающими научный тактъ и логичность разсужденій изслѣдователя; но меня остановилъ цѣлый рядъ затрудненій, разобравшись въ которыхъ, я пришелъ къ выводамъ не вполне сходнымъ съ выводами г. Сенигова.

Г. Сениговъ отождествилъ Синод. сп. съ Софійскимъ временникомъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть лѣтописный сводъ, „составленный въ Новгородѣ въ началѣ XIII ст.“ и начинающійся извѣстнымъ многорѣчивымъ предисловіемъ („Якоже древле царь Римъ назвася“..). Этотъ Софійскій временникъ вошелъ въ составъ списковъ 2-й ред. Новгородской 1-й лѣтописи, Софійской 1-й, Воскресенской, Тверской лѣтописей: благодаря этому, продолжаетъ г. Сениговъ, мы имѣемъ возможность возстановить Софійскій временникъ въ первоначальномъ его видѣ, или, что то же, возстановить утраченное начало Синод. списка. Но уже изъ самого Синод. сп. въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился теперь, можно, по мнѣнію г. Сенигова, сдѣлать выводъ, что только до 989 года Соф. временникъ пользовался, какъ источникомъ, Повѣстью врем. лѣтъ; съ 989 года, а слѣдовательно и въ части 1016—1077 Соф. временникъ (=Синод. списокъ) пользуется, какъ источникомъ, первоначальною Новгородскою лѣтописью. Обращаясь къ вопросу о взаимномъ отношеніи обѣихъ редакцій Новг. 1-й лѣтописи, видимъ, что г. Сениговъ думаетъ, что вторая редація въ части отъ начала свода до 1074 года представляется сокращеніемъ Соф. временника (=Синод. списка), сокращеніемъ, въ которое, въ части 1016—1074 г., вставлены болѣе или менѣе обширныя лѣтописныя статьи, заимствованныя изъ Повѣсти вр. лѣтъ (стр. 39, прим. 158) и изъ „древне лѣтописныхъ“ новгородскихъ записей (стр. 40).

Я не могу согласиться съ положеніями г. Сенигова по слѣдующимъ основаніямъ. 1) Въ Синод. сп. отразилось вліяніе Повѣсти вр. лѣтъ не только (и это предположительно) въ части до насъ не дошедшей, но также въ части отъ 1016 и вплоть до 30-хъ годовъ XII ст. (Костомаровъ); слѣдовательно, отразилось вліяніе даже продолженія Повѣсти вр. лѣтъ (Кіевскаго свода)¹. 2) Если, согласно г. Сенигову, составители 2-й ред. *сокращали* въ части до 1016 г. Софійскій временникъ (=Синод. сп.), неясно, почему они *распространяли* свой оригиналъ въ части 1016—1074? 3) Лишь съ большими натяжками возможно допустить, что въ спискахъ 2-й ред. начало лѣтописи (до 989 г.) представляетъ сокращеніе Повѣсти вр. лѣтъ (источника Соф. временника, по мнѣнію Сенигова), но можно съ увѣренностью сказать, что лѣтописный сводъ, откуда взято въ списки 2-й ред. начало, былъ по своему составу очень сходенъ съ Повѣстью вр. лѣтъ; если г. Сениговъ

¹ Что лѣтописныя извѣстія 1016—1130 гг. въ Синод. списокъ заимствованы всѣ (кроме новгородскихъ событій) изъ Повѣсти вр. лѣтъ, я покажу ниже, приводя и примѣры искаженій текста въ сокращенной его передачѣ.

допускаетъ заимствование составителемъ 2-й редакціи извѣстій изъ Повѣсти вр. лѣтъ въ части 1016—1074, допускаетъ слѣдовательно самостоятельное пользованіе со стороны этого лица Повѣстью, мы вправе заключать, что какъ рассказы, вставленные въ части 1016—1074, такъ и начальныя статьи до 1016 года попали въ Новгородскій сводъ 2-ой редакціи изъ одного общаго источника (будь то Повѣсть вр. лѣтъ, или лѣтописный сводъ сходный съ нею). 4) Софійскій временникъ въ позднѣйшіе своды—Новгородскую 4 ю, Софійскую 1-ю, Воскресенскую, Тверскую лѣтописи попалъ не изъ Синод. сп., а изъ списковъ 2-й редакціи: это ясно, какъ изъ позднѣйшаго лѣтописнаго рассказа (напр. въ XII в. сравните эпизодъ о Савицѣ подъ 1193 г., отсутствующій въ Синод. сп., но являющійся какъ въ Новг. 1-й лѣтописи списковъ 2-й редакціи, такъ и въ Тверской лѣтописи; тоже относительно рассказа о поставленіи Мартирія 1193 г., изъ извѣстія о битвѣ Святослава Ольговича съ Кіевлянами *въ августѣ* 1135 г. и т. д.), такъ и изъ древнѣйшаго (напр., рассказъ объ усп. Θεодосія заимствованъ въ Новг. 4-ю, Соф. 1-ю, Воскр., Тверскую лѣтописи именно изъ списковъ 2-й ред. Новг. 1-й лѣтописи, гдѣ онъ обрывается словами: „и обѣщася монастыремъ пещися“). Въ виду этого, а также того, что списки 2-й редакціи начинаются съ предисловія, характеристичнаго для Соф. временника, видимъ, что признать Софійскимъ временникомъ эту вторую ред. Новгородской 1-й лѣтописи мы имѣемъ полное основаніе, ясныя доказательства: напротивъ, никакихъ указаній на то, чтобы Софійскимъ временникомъ былъ именно Синод. списокъ, найти нельзя. Впрочемъ, г. Сениговъ и самъ даетъ намъ возможность своими соображеніями на стр. 93—98 отказаться отъ всякой попытки отождествить Синод. сп. съ Софійскимъ временникомъ. Временникъ этотъ, по мнѣнію г. Сенигова (я его не раздѣляю), составилъ въ самомъ началѣ XIII в. (с. 93); существенною частью его, какъ правильно указываетъ г. Сениговъ, было предисловіе, въ концѣ котораго редакторъ обѣщаетъ довести рассказъ до Алексѣя (такъ было въ оригиналѣ Соф. временника, такъ читается въ Рум. № 247) и Исакія: повѣсть о нихъ помѣщена подъ 1204 годомъ. Но Синод. сп. въ древнѣйшей своей части писанъ двумя почерками: первый продолжается до 1200 года, а второй—до 1234; очевидно, если бы признать вслѣдъ за г. Сениговымъ: 1) что Софійскій временникъ составленъ въ началѣ XIII в., 2) что онъ былъ доведенъ до повѣсти, помѣщенной подъ 1204 г., 3) что Синод. сп.—это оригиналъ Соф. временника, мы нашли бы окончаніе свода не въ 1200 или въ 1234 г., а именно вслѣдъ за повѣстью 1204 года.

Всѣ вышеприведенныя соображенія приводятъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) *Синод. сп. не есть оригиналъ Соф. временника*; 2) *Соф. временникъ въ наиболѣе цѣльномъ и первоначальномъ видѣ сохранился въ спискахъ 2-й редакціи Новг. 1-й лѣтописи*. Изъ этого вывода необходимо слѣдуетъ еще третій: въ *Синод. сп. часть 1200—1234 (второй почеркъ)*, въ которой, между прочимъ, находится подъ 1204 годомъ повѣсть объ Алексѣѣ и Исакіи, заимствована изъ *Соф. временника*, слѣдовательно списана попомаремъ Тимошеемъ (говорящимъ о себѣ подъ 1230 г.) въ рукописи *Соф. временника* въ видѣ продолженія въ древней рукописи, остававшейся незаконченною и доводившей лѣтописный рассказъ до 1200 года¹. Тотъ же выводъ явствуетъ и изъ того обстоятельства, что различіе между обоими почерками *Синод. списка*, первымъ (1016—1200) и вторымъ (1200—1234), прерывающимися на половинѣ фразы, нельзя понять при предположеніи, что первая обѣ части этого списка оригинальныя произведенія: невѣроятно, чтобы пономарь Тимошей, рукою котораго въ 1262 году переписанъ былъ такъ называемый Лобковский прологъ (Срезневскій, Палеографія, с. 190—191), могъ быть продолжателемъ лѣтописи, оканчивавшейся 1200 годомъ и чрезъ 50—60 лѣтъ сочинить конецъ недоконченной фразы (ср. выше). Если искать въ *Синод. сп.* оригинальное произведеніе—подлинникъ, то, конечно, только въ первой части его (и то, понятно, лишь въ рассказахъ, помѣщенныхъ въ послѣднихъ годахъ XII ст.).

Сопоставленіе списковъ обѣихъ редакцій *Новг. 1-й лѣтописи* приводитъ насъ къ сходному съ вышеприведенными выводами заключенію: *Синод. сп. въ части отъ 1077—1200 г. является оригиналомъ, съ котораго списанъ текстъ 2-й редакціи Новг. 1-й лѣтописи; между тѣмъ текстъ 1200—1234 г. Синод. списка содержитъ въ себѣ ясныя указанія на то, что онъ списанъ съ одного изъ списковъ 2-й редакціи*. Дѣйствительно, въ спискахъ 2-й ред., въ части отъ 1077 до 1200 года, находимъ цѣлый рядъ пропусковъ сравнительно съ *Синод. сп.* Напр., подъ 1144 годомъ пропущены извѣстіе о пожарѣ въ Новгородѣ, а также извѣстная приписка (принадлежащая древнѣйшему новгородскому лѣтописцу, о чемъ см. ниже) о поставленіи лѣтописца попомъ. Подъ 1149 пропущено извѣстіе о лунномъ затмѣніи; подъ 1167 — извѣстіе о

¹ Оговариваюсь здѣсь же, что время приписки части 1200—1234 нельзя опредѣлять на основаніи *Синод. сп.*: конецъ труда Тимоея утраченъ (см. выше); можно поэтому отодвигать время его работы къ 50-мъ, 60-мъ, 70-мъ годамъ XIII ст.

смерти игуменъи Анны; подъ 1169—извѣстіе о смерти игуменъи другого монастыря Елисаветы; подъ 1184 нѣтъ сообщенія о построеніи церкви св. Власія; подъ 1188 нѣтъ извѣстія о смерти священника Германа; подъ 1190 не сообщено о рожденіи сына Михаила у Ярослава Владимировича и т. д. Правда, мы находимъ на всемъ протяженіи лѣтописнаго разсказа отъ 1077 до 1200 года въ спискахъ 2-й редакціи такія добавленія, которыя обличаютъ, повидимому, другой подлинникъ, но ниже мы укажемъ, что всѣ эти добавленія, поправки, вставки явились результатомъ свѣрки лицомъ, составившимъ 2-ую редакцію, Синод. списка съ тѣмъ древнимъ оригиналомъ, который легъ въ основаніе этого списка. Весьма характернымъ представляется опущеніе ближайшихъ опредѣленій дня, въ который случилось то или другое событіе въ спискахъ 2-й ред. сравнительно съ Синод. Напр. подъ 1168 годомъ опущено опредѣленіе 14-го апрѣля, когда Романъ Мстиславичъ сѣлъ на столъ въ Новгородѣ: „въ вѣторую недѣлю по велице дни, индикта пьрваго“. Подъ 1178 не указано, что Мстиславъ Ростиславичъ умеръ: индикта 10, мѣсяца априля въ 20. Уже этихъ двухъ примѣровъ достаточно для того, чтобы доказать, что Синод. сп. содержитъ тотъ древній текстъ, позднѣйшую редакцію котораго читаемъ въ другихъ спискахъ. Ср. еще пропуски какъ „на святаго Иерофея“ при 4 октября; „на святую царю Константина и Елены“ при 21 мая; „на святаго апостола Тита“ при 25 августа, „на святую безмезднику Къзмы и Даміяна“ при 1 ноября, „на святаго Варихисия“ при 29 марта и т. д.—Между тѣмъ, сравнивая Синод. сп. съ прочими въ части 1200—1234, видимъ совершенно обратное: Синод. сп. опускаетъ и существенное и несущественное въ текстѣ, исправнѣе сохранившемся въ спискахъ 2-й редакціи. Ср. (1215 г.) пропускъ въ Синод. „на память царя Константина и матери его Елены“ при 21 мая, „на память святаго отца нашего Мелентѣя архиепископа мелетійскаго“ при 11 февраля; (1217 г.) „на память святаго апостола Еремѣя“ при 31 мая; (1220 г.)—„на память святаго отца нашего Семеона, иже в Персидѣ“ при 17 марта; (1230) „на память святаго отца Потапіа аллілугіа“ при 8 декабря; (1232) „на память святыхъ мученицы Пелагіа“ при 8 октября и т. д. Если мы вспомнимъ, съ одной стороны, что въ части 1200—1234 нѣтъ въ Синод. сп. ни одного лишняго извѣстія противъ списковъ 2-й редакціи (исключеніе составляетъ вставка повѣсти о злодѣянніи, совершенномъ Глѣбомъ Рязанскимъ, подъ 1217 г., см. ниже)¹; съ

¹ Что до пропуска „не видѣхомъ свѣтла дни“ (1228 г.) въ сп. 2-й ред.,

другой стороны, что въ Синод. сп. недостаетъ въ этой части цѣлаго ряда извѣстій и подробностей, читаемыхъ въ спискахъ 2-й ред.¹, мы придемъ къ несомнѣнному заключенію, что Синод. рукопись въ части отъ 1200 до 1234 представляетъ списокъ съ текста, читаемаго въ болѣе первоначальномъ видѣ въ спискахъ 2-й ред. Новг. 1-й лѣтописи. И такъ, предыдущій нашъ выводъ о томъ, что Тимофеемъ, пономаремъ св. Іакова, дополнилъ лѣтописный сводъ, оканчивавшійся 1200 годомъ, изъ Соф. временника, находитъ подтвержденіе и съ другихъ сторонъ. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что *Софійскій временникъ* (съ которымъ мы отождествили 2-ую редакцію Новг. лѣтописи) свой *лѣтописный рассказъ 1077—1200 года заимствовалъ изъ Синодальнаго списка* (не непосредственно, какъ увидимъ ниже).

Важнѣйшимъ вопросомъ при опредѣленіи взаимныхъ отношеній обѣихъ редакцій Новг. 1-й лѣтописи является, почему Синодальный списокъ, послуживши въ части своей отъ 1077 до 1200 года оригиналомъ для лѣтописнаго свода, принявшаго видъ Соф. временника, не легъ въ основаніе и начальныхъ статей этого свода въ части до 1077 года? Что начало Соф. временника заимствовано не изъ утраченныхъ (до 1016) и не изъ сохранившихся (1016—1074) частей Синод. сп., ясно изъ сравненія Синод. сп. въ части 1016—1074 со списками 2-й ред. Новг. 1-й лѣтописи. Я не нахожу иного отвѣта на поставленный вопросъ, какъ предположеніе, что сводчикъ, воспользовавшійся Синод. спискомъ въ части 1077—1200, не могъ имъ воспользоваться въ древнѣйшихъ частяхъ, потому что уже въ его время въ Синод. списокѣ не доставало тѣхъ же 15 тетрадей, которыхъ недостаетъ теперь; эта часть заключала въ себѣ лѣтописныя статьи до 1016 года; что до части, сохранившейся въ рукописи (отъ 1016 до 1074 года), то она дополнена сводчикомъ 2-ой редакціи изъ той самой лѣтописи, откуда ему пришлось заимствовать въ свой сводъ, для восполненія Синод. списка, начальные лѣтописныя статьи (до 1016 г.).

Ниже я разовью слѣдующія положенія, которыя выставлю здѣсь для того, чтобы теперь же связать ихъ съ сдѣланными выше выводами. Въ 1200 году оконченъ при Новгородской церкви св. Іакова лѣтопис-

то онъ несомнѣнно поздній; какъ видно изъ Тверской лѣтописи, гдѣ эти слова сохранены.

¹ Напр., подъ 1203, 1222, 1232, 1234; подъ 1230 про Станислава, что онъ братъ иконописца Домажира; подъ 1227 благочестивыя слова при извѣстіи о пожертвованіи, сдѣланномъ Вячеславомъ Провшиничемъ; такія же слова по поводу смерти архіепископа Антонія подъ 1232 г. и др.

ный сводъ, заключавшій въ части до 1016 года (а. м. б. только до 989)—Повѣсть вр. лѣтъ, въ части отъ 1016 до 1130-хъ годовъ—сокращенный сводъ новгородскихъ и обще-русскихъ извѣстій, съ 1130-хъ годовъ—собственно Новгородскую лѣтопись. Но вскорѣ (во всякомъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, еще въ первой четверти XIII ст.) 15 первыхъ тетрадей этого свода утратились (можетъ быть, въ пожаръ). Тогда при другой церкви (какой именно—укажу ниже) явилась мысль возстановить и продолжить утраченный сводъ, часть котораго хранилась при церкви св. Іакова: для этого въ основаніе свода была положена лѣтопись, сходная по составу съ Повѣстью вр. лѣтъ, но доведенная или сохранившаяся въ рукописи только до 1074 года. Пользованіе этою лѣтописью дало возможность сводчику начать переписку сохранившейся при церкви св. Іакова части свода 1200 года только съ 1077 года (но онъ имѣлъ его въ виду уже съ разсказа 1016 года). Продолженіе этой лѣтописи съ 1200 года принадлежало, вѣроятно, составителю свода. Въ этомъ продолженномъ и обособленномъ различными дополненіями видѣ новый сводъ легъ въ основаніе Софійскаго временника.

Для того, чтобы имѣть возможность точнѣе опредѣлить время составленія 2-го Новгородскаго лѣтописнаго свода (называя первымъ сводъ до 1200 года), а также ярче обосновать выставленные здѣсь положенія, остановимся на вопросѣ, когда именно составленъ Софійскій временникъ.

Одного взгляда на такъ называемую Тверскую лѣтопись достаточно для того, чтобы видѣть, что составитель ея, житель Ростовской области (въ 1534 г.), въ числѣ прочихъ источниковъ пользовался Софійскимъ временникомъ, т. е. Новгородскою лѣтописью въ сводѣ, называемымъ этимъ именемъ. Такъ изъ этого свода заимствовано въ Тверскую лѣтопись извѣстное предисловіе, о которомъ сказано выше. Но, какъ это замѣчено и г. Тихомировымъ (Ж. М. Н. П. 1876 г. декабрь, с. 271), заимствованія изъ Новгородской лѣтописи (и при томъ изъ списка 2-й ред., какъ указываетъ и г. Тихомировъ, с. 265, т. е. изъ Соф. временника) продолжаются только до 1255 года. Отсюда является предположеніе (высказанное и г. Тихомировымъ), что Новгородская лѣтопись=Соф. временникъ, бывшій въ виду у составителя Тверской лѣтописи, оканчивалась 6763 (1255) годомъ. Такое предположеніе находитъ основаніе и въ томъ обстоятельстве, что до 1255 года лѣтописный разсказъ въ Тверской лѣтописи идетъ связно безъ хронологической путаницы; между тѣмъ, вслѣдъ за разсказомъ подъ 1255 годомъ (заимствованнымъ изъ Новгородской лѣтописи) видимъ изложеніе событій начиная

съ 1248 года, при чемъ сообщаются нѣкоторыя извѣстія уже раньше сказанныя, но другими словами, очевидно изъ другихъ источниковъ ясно, что составитель Тверской лѣтописи вслѣдъ за 1255 годомъ, изложеннымъ по Новгород. лѣтописи, долженъ былъ обратиться къ другимъ матеріаламъ, къ другимъ лѣтописямъ. И такъ Соф. временникъ, бывшій въ рукахъ сводчика, былъ доведенъ лишь до 1255 года. Правда, что въ составъ Тверской лѣтописи вошло изъ Соф. временника „Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ“, написанное, конечно, послѣ смерти этого великаго князя (1263 г.), по сравненіе соответствующихъ мѣстъ въ Новгород. 1-ой лѣтописи второй ред. (=Соф. временникъ) и въ Тверской лѣтописи съ очевидностью доказываетъ, что это Сказаніе разбито на года и внесено въ лѣтопись сводчикомъ Тверской лѣтописи независимо отъ позднѣйшаго (т. е. работавшаго послѣ 1263 года) сводчика новой редакціи Софійскаго временника (=Новгород. 1-й лѣтописи 2-ой ред.)¹. Я вывожу отсюда, что составитель Тверской лѣтописи пользовался такимъ экземпляромъ Соф. временника, лѣтописный рассказъ котораго былъ доведенъ до 1255 года и обособленъ присоединеніемъ къ нему „Сказанія объ Александрѣ Невскомъ“².

И такъ, Тверская лѣтопись доказываетъ, что Соф. временникъ составленъ до 1255 года. Но, съ другой стороны, на основаніи предисловія къ этому временнику, можно съ увѣренностью заключить, что составитель работалъ надъ нимъ послѣ 1237 г. (пашествіе татаръ) или даже послѣ сороковыхъ годовъ XIII ст. (когда утвердилось владычество татаръ). Слова: „за наше несмытство павель Богъ на ны поганья; а и скоты наши и села наша и имѣнья за тѣми суть а мы своихъ злыхъ дѣлъ (Троиц. злобъ своихъ) не останемъ (Троиц. не останемся)“—могутъ, въ устахъ новгородца, относиться только къ татарамъ. Слѣдовательно, составленіе Соф. временника относится къ 1240—1255 гг.—Но не противорѣчитъ ли такое заключеніе ясно изложенному въ предисловіи плану работы надъ этимъ лѣтописнымъ сводомъ? Въ заключительныхъ строкахъ его прямо выражено намѣреніе написать лѣтопись „отъ царя Михаила (греческаго) до Алексея

¹ Ср. хотя бы подъ 6760 годомъ извѣстіе о пашествіи Неврюя изъ Сказанія—въ Тверской и Новгород. 1-ой лѣтописяхъ.

² Можетъ быть Тверской лѣтописецъ нашелъ въ концѣ Соф. временника (въ спискѣ его XIV или XV вѣка) и Повѣсть о чудѣ отъ иконы Зосимовы Богородицы, совершившемся въ 1168 году при нападеніи на Новгородъ Сурдальской рати (ср. эту повѣсть въ Твер. подъ 1168 г.). Повѣсть эта составлена послѣ 1327 г., когда устроенъ былъ монастырь св. Рождества на Деснянѣ.

(Троиц. сп.) и Исакія¹: повѣсть объ Алексѣѣ и Исакии содержитъ событія 1204 г. (взятіе Константинополя крестоносцами) и составителемъ Соф. временника помѣщена подъ этимъ годомъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что Софійскій временникъ былъ доведенъ только до 1204 года? Я думаю, что предположеніе о существованіи такого лѣтописнаго свода, рассказъ котораго доведенъ былъ только до 1204 года и оканчивался Повѣстью о взятіи Царьграда, помѣщеною подъ этимъ самымъ годомъ, встрѣтило бы значительныя затрудненія. Если Повѣсть эта составлена въ Константинополѣ² въ 1204 году³, то въ Россію она могла попасть не ранѣе какъ черезъ нѣсколько лѣтъ; если допустить, что напр. уже въ 1206 году она была извѣстна въ русскомъ переводѣ, и въ связи съ этимъ предположить, что Соф. временникъ составленъ въ 1206 году, то непонятнымъ останется, почему сводчикъ закончилъ бы свой сводъ 1204 годомъ и не описалъ бы событій 1205 и 1206 года, непонятнымъ въ томъ случаѣ, конечно, если думать, что Повѣстью 1204 года оканчивался сводъ. Поэтому, и помимо предидущихъ соображеній, ни въ коемъ случаѣ нельзя, думаю, допустить, чтобы Соф. временникъ оканчивался 1204 годомъ, а въ виду включенія въ него Повѣсти объ Алексѣѣ и Исакии невѣроятно предположеніе даже о томъ, чтобы онъ могъ составиться въ первомъ десятилѣтіи XIII в.: мы имѣемъ нѣсколько лѣтописей, которыя велись въ XIII в. (напр. Суздальскую) и ни въ одной изъ нихъ мы подъ 1204 годомъ (кроме Новгородскихъ)⁴ не находимъ даже краткаго извѣстія о паденіи Царьграда; отсюда можно заключить, что вѣсть объ этомъ горестномъ событіи,

¹ О греческомъ происхожденіи Повѣсти см. Klimke, Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges (Breslau 1875) s. 71 ff. и др.

² Есть основаніе думать, что она составлена послѣ 1206 года. Извѣстіе Архангелог. лѣтописца: „и держа Царьградъ 2 лѣта и 2 мѣсяца, 10 днѣй, и пограба Царьградъ и церкви, и прочь пошли“, заимствовано, конечно, изъ древней редакціи Повѣсти. Я не могу признать убѣдительнымъ предположеніе о томъ, что Повѣсть эта составлена арх. Антоніемъ Новгородскимъ (Добрынею Ярѣйковичемъ) въ бытность его въ Константинополѣ. Весьма интересно окончаніе этой Повѣсти по Никон. сп., гдѣ Венеціанскій дожъ Дандоло названъ Андреемъ нарицаемымъ „Бернандъ“ (заимств. изъ Хронографа?). Повѣсть о взятіи Царьграда ждетъ еще обстоятельнаго изслѣдованія.

³ Краткое извѣстіе о взятіи Царьграда крестоносцами въ сп. 2-ой ред. Новгород. 1-й лѣтописи, читаемое за Повѣстью, заимствовано изъ этой Повѣсти и подтверждаетъ основательность нашего предположенія, что сначала Повѣсть эта вошла въ составъ лѣтописи, а помѣщалась за нею.

а тѣмъ болѣе Повѣсть о немъ, не скоро стали извѣстными на Руси. Между тѣмъ слова предисловія, въ коихъ предположено довести рассказъ до Алексѣя и Исакія, требуютъ объясненія. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется допустить, что Соф. временникъ составилъ на основанія свода, начинавшагося рассказомъ о временахъ Михаила царя и оканчивавшагося Повѣстью о паденіи Царяграда, помѣщенною не въ лѣтописномъ рассказѣ, не подъ 1204 годомъ, а въ концѣ лѣтописи, въ видѣ позднѣйшаго къ ней приложенія. Обозрѣвая этотъ источникъ, составитель Соф. временника и сказалъ поэтому, что кончается рассказъ съ Михаила царя, а кончитъ Алексѣемъ и Исакіемъ¹. Мы имѣемъ основаніе думать, что такимъ источникомъ была Новгородская лѣтопись, доведенная до тридцатыхъ годовъ XIII ст. и еще сложенная различными приписанными къ ней повѣстями, какъ то „О борьбѣ Мстислава съ Георгіемъ Всеволодовичемъ“, „О Калкской битвѣ“, „о нашествіи Батые“, „о взятіи Царяграда крестоносцами“. Существованіе такой Новгородской лѣтописи доказывается Академическимъ спискомъ Суздальской лѣтописи (иначе называемымъ Троицкою лѣтописью, ср. I т. П. С. Р. Л. и изд. Лавр. сп. Арх. Коп. 1872 г.). Подлинникъ этого списка, основной оригиналъ его, оканчивался нѣкогда 1205 годомъ: это доказывается тѣмъ, что тождественный съ нимъ списокъ—Радзивилловскій оканчивается 1206 годомъ и при томъ тѣмъ же извѣстіемъ и въ тѣхъ же словахъ изложеннымъ, какъ Академическій (ср. изд. 1872 г., с. 404 прим.); къ тому же заключенію приводитъ то обстоятельство, что Лаврентіевскій списокъ, а также Переяславскій лѣтописецъ, совпадаютъ съ Академическимъ сп. только до 1205 года: съ этого же года въ спискахъ—Лаврентіевскомъ, Переяславскомъ и Академическомъ начинаются различныя другъ отъ друга продолженія. Внѣслѣдствіи основной оригиналъ Академическаго списка, доведенный до 1205 г., былъ продолженъ (онъ доходитъ теперь до 1419 года). Въ этихъ продолженіяхъ, какъ указалъ еще Срезневскій (Древн. пам. русск. пис. и яз. 2 ч. 110), надо различать двѣ части: первая обнимаетъ 1205—1239 г., вторая остальное время. Дополненія первой части довольно обширны и обстоятельны (нѣкоторые года, напр. 1216-й, занимаютъ въ изданіи девять страницъ); напротивъ, во второй части мы находимъ только очень краткія,

¹ Впрочемъ возможно, что Повѣсть о взятіи Царяграда не входила въ составъ 2-го Новгородскаго свода, а была известна составителю Соф. временника въ отдѣльномъ видѣ. Не буду повторять этого замѣчанія ниже, гдѣ допускаю, что Повѣстью оканчивался 2-ой Новгородскій сводъ.

совершенно отрывочныя извѣстія (кромѣ нѣкоторыхъ, въ концѣ XIV и началѣ XV в.). Но еще болѣе различаются эти обѣ части тѣмъ, что въ *первой* весь лѣтописный рассказъ заимствованъ изъ Новгородской 1-ой лѣтописи (въ сокращенномъ или сжатомъ изложеніи, ср. ниже), а во *второй* изъ разныхъ другихъ лѣтописей. Въ томъ, что весь лѣтописный рассказъ 1205—1239 г. взятъ въ основной оригиналъ (протографъ) Акад. списка изъ Новгородской 1-ой лѣтописи, можно легко убѣдиться, сравнивъ текстъ 1205—1239 г. въ Акад. списокѣ и въ одномъ изъ списковъ Новг. лѣтописи: такое сравненіе покажетъ, что въ этомъ текстѣ по Акад. списку находится только три извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Новг. лѣтописи: подъ 1218 (Взяша Болгаре Устюгъ) и подъ 1230 (голодъ въ Смоленскѣ и перенесеніе мощей св. Леонтія въ Ростовѣ). Впрочемъ второе изъ этихъ извѣстій, можетъ быть, и находилось въ древнемъ подлинникѣ Новгородской лѣтописи, судя по Тверской лѣтописи, гдѣ оно есть, а также по указанію Новг. лѣтописи, гдѣ читаемъ, что голодъ былъ во всей русской землѣ, кромѣ одного Кіева. Равнымъ образомъ въ этомъ древнемъ подлинникѣ Новгородской лѣтописи находились тѣ мѣста лѣтописнаго рассказа подъ 1216, 1223 и 1237 гг., которыхъ сравнительно съ Акад. спискомъ недостаетъ въ Новгородской 1-ой лѣтописи. Что въ редакціи, читаемой теперь въ спискахъ этой лѣтописи, рассказъ подъ этими годами значительно сокращенъ, доказывается сравненіемъ его, какъ съ Тверскою лѣтописью (куда онъ попалъ изъ редакціи 1255 года), такъ и съ Акад. спискомъ, изъ текста котораго приходится кое-что дополнить для того, чтобы повѣсть испорченныя мѣста Новг. 1-ой лѣтописи¹. Этимъ обстоятельствомъ, т. е. пользованіемъ Новгородскою лѣтописью въ одной изъ болѣе древнихъ редакцій, чѣмъ тѣ, которыя сохранились до насъ, объясняется совпаденіе Тверской лѣтописи и Акад. списка въ цѣломъ рядѣ подробностей въ рассказахъ подъ приведенными выше годами, напр. подъ 1216 г. мы въ Твер. лѣт. и въ Акад. сп. находимъ слова Константинова посла Іеремія (въ Тверской *сокращеніи*: „азъ радъ слышевь приходъ вашъ“); тамъ же читаемъ, что Мстиславъ и его союзники отрядили Владимира Псковскаго на Ростовъ; въ Новг. 1-ой лѣтописи обонхъ этихъ мѣстъ нѣтъ и т. д. И такъ, мы видимъ, что

¹ Ср. дополненіе, внесенное издателемъ Новг. 1-ой лѣтописи 1880 г. подъ 1216 г. (с. 202) изъ *Согл. 1-ой лѣтописи* (куда текстъ 1205—1239 попалъ изъ оригинала Акад. списка): „Отвѣщавъ же князь Гюрги: однѣ есмь братъ съ Ярославомъ. И послаша въ Ярославу, глаголюще“.

составитель продолженія къ оригиналу Акад. списка пользовался Новгородскою лѣтописью въ редакціи: 1) болѣе древней, чѣмъ та, которая сохранилась въ современныхъ спискахъ Новг. 1-й лѣтописи, 2) въ редакціи, оканчивавшейся Повѣстью о нашествіи Батия (1237—1239).

И такъ, до составленія Соф. временника былъ оконченъ другой, болѣе ранній сводъ Новгор. 1-ой лѣтописи и доведенъ вѣроятно до нашествія Батия на Новгородскую область. Впоследствии къ этому своду присоединилась „Повѣсть о Татарскомъ нашествіи“, такъ же какъ и другія выше перечисленные повѣсти: о борьбѣ Мстислава съ Георгіемъ, о Калкскомъ боѣ и, наконецъ, о взятіи Царяграда. Въ такомъ именно видѣ сводъ этотъ былъ извѣстенъ тому лицу, который въ основномъ оригиналѣ Акад. списка составилъ лѣтописный рассказъ 1205—1239 гг.; въ такомъ же видѣ пользовался этимъ сводомъ составитель Соф. временника, имѣвшій, какъ видно, полное основаніе выразиться, что кончитъ свой трудъ Повѣстью объ Алексѣѣ и Исакіи. Дѣйствительно, списавъ весь лѣтописный рассказъ до 1239 года, продолживъ его на основаніи очень скудныхъ матеріаловъ до 1255 года, составитель Соф. временника въ концѣ своей рукописи списалъ и Повѣсть о взятіи Царяграда, не внося ее въ лѣтописный рассказъ и ограничившись подъ 1204 г. замѣткою о томъ, что въ этомъ году Латины взяли на вербницу Константинополь и разграбили его. Что до Повѣсти о Калкскомъ побойщѣ, то она внесена этимъ сводчикомъ подъ 1224 годъ.

Предидущее изслѣдованіе приводитъ насъ такимъ образомъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) въ 1200 году былъ составленъ первый Новгородскій лѣтописный сводъ, 2) второй Новгородскій сводъ былъ доведенъ до 1236 года и обложенъ различными повѣстями, изъ которыхъ младшая—Повѣсть о нашествіи татаръ (1237—1239), а послѣдняя въ сводѣ—Повѣсть о взятіи Царяграда, 3) третій Новгородскій сводъ, названный Софійскимъ временникомъ, былъ доведенъ до 1255 г. и обложенъ различными повѣстями, изъ которыхъ старшая Повѣсть о взятіи Царяграда (списана изъ 2-го свода), младшая—Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ (послѣ 1263 г.). Мы еще разъ вернемся ниже къ вопросу о взаимномъ вліяніи другъ на друга этихъ сводовъ, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какъ составилъ 1-ый Новгородскій сводъ.

Въ 1-омъ Новгородскомъ сводѣ, подлинная рукопись котораго сохранилась въ Синод. сп. (первый почеркъ), слѣдуетъ различать какъ это указано многими изслѣдователями, нѣсколько частей. На пер-

выхъ пятнадцати утраченныхъ тетрадахъ помѣщалась Повѣсть вр. лѣтъ до 1016 года¹; начиная съ 1045 г. между извѣстіями, сокращенными изъ Повѣсти вр. лѣтъ, находимъ извѣстія, займствованныя изъ какой-то Новгородской лѣтописи. Подъ 1144 годомъ авторъ этой лѣтописи ясно говоритъ о себѣ, что именно въ этомъ году онъ былъ поставленъ попомъ архіепископомъ Нифонтомъ; но подъ 1188 годомъ встрѣчаемъ уже извѣстіе о смерти этого лѣтописца и о томъ, что онъ назывался Германомъ, по прозванію, Воятою, и что онъ въ теченіе 45 лѣтъ (съ 1144 года) былъ священникомъ въ церкви св. Іакова². Слѣдовательно, заключаемъ мы, Герману Воятѣ могъ принадлежать лѣтописный рассказъ о Новгородскихъ событіяхъ только до 1188 года, а часть 1188—1200 года составлена на основаніи другихъ источниковъ. Нѣкоторыми изслѣдователями были уже указаны въ части 1188—1200 Синод. списка слѣды двухъ лѣтописныхъ источниковъ. Такъ Срезневскій (Извѣстія I, 77) указалъ, что въ описаніи 1192 года, въ двухъ приведенныхъ въ немъ извѣстіяхъ, разно названъ владыка новгородскій—въ одномъ архіепископомъ Григоріемъ (въ то же лѣто кончаяша церковь святыхъ Апостолъ на Силинищи, и сяти ю архепископъ Григорій на Петровъ день), въ другомъ—владыкою архіепископомъ Гаврилою (и сяти ю, т. е. церковь св. Преображенія, владыка архепископъ Гаврила на праздыникъ). „Назвать одно и то же лицо Гавриломъ и Григоріемъ въ одно и то же время одному и тому же лѣтописцу было невозможно“, замѣчаетъ Срезневскій (Григорій это монашеское имя, принятое передъ смертью арх. Гаврилою). Укажу еще на повтореніе извѣстій 1190 года (рожденіе у Ярослава сына Михаила и война Псковичей съ Чудью) въ описаніи 1191 г. (рожденіе у Ярослава сына и война Новгородцевъ и Псковичей съ Чудью). Укажу еще на то, что рассказы объ избраніи Мартирія, а также о войнѣ съ Югрой (1193 г.) въ Синод. списокѣ представляются несомнѣнно сокращенными сравнительно съ тою редакціею ихъ, которая читается въ другихъ спискахъ Новг. 1-ой лѣтописи: очевидно былъ *какимъ-нибудь источникомъ*, изъ котораго эти оба рассказа попали съ одной стороны въ 1-ый Новгородскій сводъ, съ другой во 2-ой такой же

¹ „На потерянныхъ листахъ могла помѣститься почти вся лѣтопись Нестора до 1016 года“, (Срезневскій, Извѣстія 2-го Отд. I с. 20).

² Г. Прозоровскому (Ж. М. Н. П. 1852 г. іюль) первому удалось сблизить оба извѣстія—1144 и 1188 года и тѣмъ самымъ неопровержимо доказать, что первымъ или однимъ изъ первыхъ новгородскихъ лѣтописцевъ былъ Германъ Воята.

сводѣ. Укажу наконецъ на повтореніе извѣстія объ освященіи церкви св. Кирилла подѣ 1196 годомъ. Я думаю, что Срезневскій былъ правъ, указывая въ описаніи 1192 года два лѣтописныхъ источника: одинъ изъ нихъ, думаю, были собственныя замѣтки, памятнаго писателя сводчика 1200 г., а другимъ—продолженіе лѣтописи Вояты. Въ слѣдующей, 2-ой главѣ настоящаго изслѣдованія я подробно останавливаюсь на вопросѣ о времени составленія этой лѣтописи, а также на ея составѣ: здѣсь же укажу на то, что по всей вѣроятности извѣстіе о смерти Вояты подѣ 1188 годомъ занесено было на экземпляръ Воятовой лѣтописи ея продолжателемъ. Менѣе вѣроятнымъ представляется думать, что это извѣстіе внесено въ сводѣ 1200 года самимъ сводчикомъ. Дѣйствительно, въ тѣсной связи съ этимъ извѣстіемъ стоитъ предшествующее извѣстіе, читаемое въ Синод. сп.: „тогда же лѣтъ дѣлаша мостъ новъ чересь Волховъ по сторонѣ ветхаго“, тѣсная связь обоихъ извѣстій—этого и извѣстія о смерти Германа Вояты, выясняется между прочимъ тѣмъ, что оба они пропущены въ спискахъ 2-ой ред. Я думаю, что извѣстіе о постройкѣ моста представляется глоссой, комментариемъ къ словамъ слѣдующаго извѣстія: „Тогда же лѣтъ“, читаемъ мы ниже, „переставился рабъ Божій Германъ, зовемый Воята, служившій ему у святаго Никова полюбоставлять (т. е. 45) лѣтъ“...: на поляхъ противъ этого мѣста и было записано извѣстіе о постройкѣ моста черезъ Волховъ, что означало то, что 45 лѣтъ прошло съ того именно года, когда былъ построенъ этотъ мостъ и когда Воята былъ поставленъ пономъ. Дѣйствительно, какъ видно изъ Воятовой лѣтописи, онъ сдѣлался священникомъ въ тотъ же годъ, какъ построенъ былъ новый мостъ черезъ Волховъ: ср. подѣ 1144 г.: „Дѣлаша мостъ весь чересь Волхово, по стороне ветхаго, новъ весь... Въ то же лѣто постави мя пономъ архиепископъ святыи Нифонтъ“. Изъ такого объясненія извѣстія о постройкѣ моста, читаемаго въ Синод. сп. подѣ 1188 г., ясно, что Синод. сп. представляетъ не единственную запись о смерти Вояты, а копию съ нея. И такъ Воятова лѣтопись была продолжена, начиная съ 1188 года, можетъ быть вплоть до 1197 года (съ этого года мы не находимъ вставокъ въ спискахъ 2-й ред. вплоть до 1200 г.). Сводчикъ 1200 года, списавъ Воятову лѣтопись, переписавъ и ея продолженіе, вставилъ въ него еще что изъ собственныхъ воспоминаній (напр., подѣ 1192 г. объ освященіи церкви св. Апостолъ и объ освященіи ея, ср. ниже) и дополнилъ въ свой сводѣ лѣтописный рассказъ о 1197—1200 годахъ. И такъ, мы различаемъ въ сводѣ 1200 г. слѣдующія составныя части: Повесть вр. лѣтъ, лѣтопись Германа Вояты до 1187 г., продолженіе этой лѣ-

лѣтъ 1188—1196 и наконецъ часть 1197—1200, представляющую самостоятельный трудъ сводчика.

Мы имѣемъ полное основаніе думать, что не только лѣтописи Вояты и его продолжателя, но и самый сводъ 1200 года были со-
ставлены при церкви св. Іакова, принадлежали этой церкви, нахо-
дившейся на Добрыниной улицѣ (ср. Прозоровскій с. 19): указанія на это находимъ: 1) въ томъ обстоятельстве, что Воята былъ свя-
щенникомъ у св. Іакова, 2) въ томъ, что сводъ этотъ въ XIII в.
былъ дополненъ (какъ мы видѣли выше, по Соф. временнику) поно-
варемъ св. Іакова Тимофеемъ: очевидно, сводъ хранился при этой
церкви. Въ сводѣ 1200 года было всего 23 тетради или 184 листа.

Перехожу къ вопросу о составленіи 2-го Новгородскаго свода.
Въ началѣ XIII в., можетъ быть въ опустошительный пожаръ 1211 года,
когда сгорѣло 15 церквей (церковь св. Іакова была деревянная: въ
1181 году ее выстроили вновь послѣ пожара 1175 года), рукопись,
содержавшая 1-ый Новгородскій сводъ, потерпѣла значительное по-
врежденіе, а именно первыя 15 тетрадей ея исчезли безслѣдно. Вслѣд-
ствіе этого въ Новгородѣ возникла мысль о составленіи новаго лѣто-
писнаго свода. Нельзя сказать навѣрное, когда именно, но предпо-
ложительно до 1220 года, новый сводчикъ рѣшился, можетъ быть по
порученію владыки, возстановить утраченное начало 1-го Новгород-
скаго свода и продолжить его до своего времени. Ниже во 2-ой главѣ
и подробнѣе останавлиюсь на процессѣ этого возстановленія; укажу
здесь лишь на то, что въ числѣ матеріаловъ 2-го сводчика находимъ:
свѣдѣнія дошедшихъ до него тетрадей Новгородскаго 1-го свода (Синод.
сп.), лѣтопись Вояты съ ея продолженіемъ до 1196 года и какой-то
не-новгородскій лѣтописный сводъ, сходный съ Повѣстью вр. лѣтъ,
откуда заимствовано начало свода (большая часть статей отъ 989 до
1016 г. и всѣ статьи до 989 г.). Въ основаніе свода была положена
въ началѣ эта лѣтопись, сходная съ Повѣстью вр. лѣтъ, по начиная
съ 1017 года, въ основаніи свода лежитъ 1-ый Новгородскій сводъ
(Синод. сп.); въ части до 1074 г. включительно краткія извѣстія этого
подлинника дополнены извѣстіями изъ упомянутой выше лѣтописи,
а съ 1077 года видимъ дословную переписку подлинника, т. е. 1-го Нов-
городскаго свода вплоть до 1200 г. Но переписывая трудъ своего пред-
шественника, новый сводчикъ пропустилъ нѣсколько извѣстій церков-
наго характера, не представлявшихъ общаго интереса (примѣры ука-
заны выше). Выбѣтъ съ тѣмъ, однако онъ свѣрилъ свой подлинникъ
съ основнымъ источникомъ Новг. 1-го свода — лѣтописью Вояты и
имѣетъ изъ нея нѣсколько подробностей, опущенныхъ сводчикомъ 1200

года: такъ, подъ 1130 г. имъ указано, что епископъ Іоаннъ „сѣдѣ въ 20“; подъ 1135 г. обозначено, что битва между Кіевлянами и Черниговцами, которыхъ не успѣлъ помирить посадникъ Мпрославъ, произошла „мѣсяца августа“; подъ 1137 г. прибавлено, что смерть Всеволода Мстиславича случилась „мѣсяца февраля въ“ (день не указанъ); подъ 1139, извѣстіе о томъ, что Ростиславъ сѣдѣлъ въ Новгородѣ „8 лѣтъ и 4 мѣсяцѣ“ (Синод.), исправлено на: „лѣто и 4 мѣсяца“ (дѣйствительно Ростиславъ былъ въ Новгородѣ съ 10 мая 1138 по 1 сентября 1139 г.); подъ 1159 г. вм. Мстиславъ (Синод.) исправлено Ростиславъ (иде Ростиславъ Кіеву и сѣдѣ Кіевѣ на столѣ), что совершенно вѣрно, такъ какъ изъ извѣстія подъ 1158 г. видно, что въ этомъ году Мстиславъ, взявъ Кіевъ, сталъ звать изъ Новгорода на Кіевскій столъ Ростислава, „стрѣя своего“; подъ 1162 г. названо прежнее состояніе лица, поставленнаго игуменомъ у Святаго Духа Сошествія (попикъ святаго Савы); подъ 1175 указано имя сына Мстислава, посаженнаго имъ на Новгородскій столъ (Святославъ); подъ 1191 г. вставлено въ извѣстіе о походѣ Новгородцевъ съ Борелою на Емъ, что они отправились „в лойвахъ“; подъ 1192 г. названо имя игуменіи св. Богородицы—„Ефросинія Петрова кучевича“; подъ 1193 г. находимъ въ Новгородскомъ 2-мъ сводѣ гораздо болѣе подробный рассказъ о поставленіи Мартирія архіепископомъ, чѣмъ въ Новгородскомъ 1-мъ сводѣ (а именно указаны его соперники и упомянуто, что споръ между ними разрѣшился жребьемъ); подъ тѣмъ же годомъ прибавлены слова Савки измѣнника (въ описаніи похода на Югру) къ Югорскому князю и объ убіеніи Якова Прокшиевича; подъ 1194 г. указано имя строителя церкви св. ап. Фелиппа на Нутной улицѣ (Радославъ Даниловичъ); подъ 1196 г. названъ мастеръ, строившій каменную церковь св. Кирилла (Коровъ Яковлевичъ съ Лубяной улицы) ¹. Съ 1200 года начинается самостоятельный рассказъ новаго сводчика, которому удалось даже окончить описаніе извѣстія о нашествіи Литвы, начатое только въ предшествующемъ сводѣ. Въ лѣтописномъ рассказѣ подъ 1201 годомъ находимъ ясныя указанія на то, что Новг. лѣтопись въ части до 1200 года писана другимъ писцомъ, чѣмъ въ части за этимъ годомъ; подъ 1201 годомъ повторяются два извѣстія, приведенныя уже подъ 1199 г.: 1) по случаю

¹ Въ Синод. списокѣ пропускъ этого имени вызвалъ неточность въ этой фразѣ: „заложиша црковь камяну святаго Кюриза въ монастыря въ Належнѣ Къснятинъ и Дѣмитръ, братеника, на Лубяной улицѣ“.—Не эти братья—въ Лубяной улицѣ, а мастеръ Коровъ Яковлевичъ.

возвращенія изъ Кіева арх. Митрофана, лѣтописецъ повторяетъ то, что читается подъ 1199 г.: „Новъгородъци Богомъ избранаго Митрофана въведоша въ епископью по Мартурни“ (1201 г.); ср. „и въведе въ епискупью Митрофана, мужа Богомъ избрана“ (1199 г.); 2) „Того же лѣта сѣрубиша въ Русѣ городъ“ (1201 г.), ср. „въ то же лѣто въ Русѣ городъ обложиша“ (1199 г.). И такъ мы находимъ въ повтореніи этихъ извѣстій ясное указаніе на то, что 1-ый Новгородскій сводъ оканчивался именно тамъ, гдѣ оканчивался первый почеркъ Синод. списка.

Я указалъ уже выше, что трудно сказать, гдѣ именно оканчивался 2-ой Новгородскій сводъ, до какого года онъ былъ доведенъ. Можетъ быть, трудъ, начатый до 1220 года, былъ продолженъ до 1236 г. однимъ и тѣмъ же сводчикомъ-лѣтописцемъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что 2-й Новгородскій сводъ составленъ при церкви св. 40 Мученикъ на Щерковѣ улицѣ. На это указываютъ извѣстія объ украшеніи этого храма, постоянно сопровождаемыя добрыми пожеланіями о здравіи и спасеніи жертвователей. Еще списывая оригиналъ 1-го Новгородскаго свода, составитель 2-го свода къ извѣстію 1199 г.: „въ то же лѣто заложиха церковь камяну святыхъ 40“ прибавилъ „(святыхъ мученикъ 40) с Провшею с Малышевицемъ“. Подъ 1207 годомъ читается: „Въ то же лѣто прѣставися рабъ Божіи Парфурій, а мирьскы Прокша Малышевиць, постригъся у святаго Спаса на Хутинѣ, при игумене Варламе; а покой Господи душу его!“. Подъ 1211 г. „Того же лѣта, волею Божию, ствѣрши церковь камяну Вячеславъ Прокшиниць, вѣнукъ Малышевъ, святыхъ 40 (мученикъ); а даи Богъ ему (здравіе и) въ спасение (въ отпущение грѣховъ и) молитвами святыхъ 40 (мученикъ)“¹. Подъ 1227 г. „Въ то же лѣто исписа церковь святыхъ (мученикъ) 40 Вячеславъ (Прокшиниць) Малышевъ вѣнукъ, и (да)и Богъ ему спасение (и отпущение грѣховъ, иже много трудися о святыхъ мученицѣхъ. и устрои себѣ память до вѣка вѣчнаго)“.

Обращаюсь къ вопросу о составленіи 3-го Новгородскаго свода, т. е. Соф. временника. Мы видѣли, что лѣтописный рассказъ 2-го

¹ Предположеніе г. Сенигова (О древн. лѣт. сводѣ с. 99), что этотъ Прокша былъ лѣтописцемъ, совершенно невѣроятно, а близость его къ лѣтописцу, члену причта церкви св. 40 Мученикъ, вполне объясняется приведеннымъ выше извѣстіемъ 1199 г.

² Слова, заключенныя въ скобки, не читаются въ Синод. сп.: ясно, что Вячеславъ, сынъ Прокши Малышевича, уже умеръ въ то время, когда пономарь ~~Тимофей~~ дополнял 1-ый Новгородскій сводъ на основаніи экземпляра 3-го свода.

Новг. свода доходилъ вѣроятно до 1236 года; вскорѣ этотъ сводъ обогатился припискою разныхъ извѣстій и прибавленіемъ историческихъ повѣстей, а именно: а) повѣстью о борьбѣ Мстислава съ Георгіемъ Всеволодовичемъ, повидимому Смоленскаго происхожденія (участникомъ въ этой борьбѣ былъ союзникъ Мстислава, Владимиръ Рюриковичъ Смоленскій), но въ Новгородской переработкѣ, б) повѣстью о Калкской битвѣ Кіевского происхожденія, в) повѣстью о нашествіи Батия Суздальскаго происхожденія, г) повѣстью о взятіи Царяграда. Въ этомъ видѣ, какъ указано выше, 2-мъ Новгородскимъ сводомъ пользовался продолжатель оригинала Акад. сп. Суздальской лѣтописи; въ этомъ же видѣ, вѣроятно въ пятидесятыхъ годахъ XIII ст. имъ воспользовался составитель Соф. временника, т. е. 3-го Новгородскаго свода: написавъ предисловіе, сводчикъ списалъ цѣликомъ весь 2-ой Новг. сводъ, а подъ 1216, 1224, 1237 гг. вставилъ (нѣсколько сокративъ) перечисленныя повѣсти, но Повѣсть о взятіи Царяграда была оставлена въ концѣ свода. Время съ 1239 по 1252 годъ сводчикъ заполнилъ краткими лѣтописными замѣтками, вѣроятно найденными въ продолженіяхъ и дополненіяхъ къ 3-му Новг. своду; только 1253 и 1255 года описаны съ нѣкоторою подробностью, можетъ быть самимъ сводчикомъ.

Дальнѣйшая судьба Соф. временника уже указана выше. Этотъ сводъ обогатился новыми лѣтописными приписками и новыми историческими повѣстями, а именно: а) Повѣстью о злодѣйствѣ, совершенномъ Глѣбомъ Рязанскимъ въ 1218 году, б) Повѣстью объ убіеніи Михаила Черниговскаго, в) Сказаніемъ объ Александрѣ Невскомъ. Въ такомъ видѣ воспользовался 3-мъ Новгородскимъ сводомъ (Соф. временникомъ) составитель Тверской лѣтописи.

Вскорѣ весь этотъ сводъ подвергся сплошной перепискѣ, причемъ переписчикъ позволилъ себѣ цѣлый рядъ сокращеній, частью умышленныхъ, частью случайныхъ. Переписчикъ не задавался никакими редакціонными цѣлями и потому не внесъ повѣстей, читавшихся въ концѣ свода, въ самый сводъ. Въ этомъ видѣ Соф. временникомъ воспользовался пономарь Тимофей, можетъ быть по порученію причта церкви св. Іакова, для дополненія хранившагося при этой церкви 1-го Новгородскаго свода. Тимофей работалъ надъ перепиской Соф. временника (начиная съ разсказа подъ 1200 годомъ) вѣроятно въ шестидесятыхъ годахъ XIII в. Это слѣдуетъ во 1) изъ предидущихъ соображеній, изъ коихъ видно, что младшей повѣстью въ 3-мъ сводѣ Новгор. лѣтописи, перепискою котораго занимался Тимофей, было Сказаніе объ Ал. Невскомъ, составленное послѣ 1263 г., во 2)

изъ того, что тотъ же Тимоѳей извѣстенъ намъ по собственноручной записи его на Прологѣ 1262 года (Срезневскій, Славяно-русс. палеографія 191). Тимоѳей списалъ въ 1-ый Новг. сводъ, конечно, весь лѣтописный рассказъ, находившійся въ Соф. временникѣ и доведенный до 1255 года включительно; повѣсти, находившіяся за сводомъ, онъ помѣстилъ въ сводъ подъ соотвѣтствующими годами. Такъ Повѣсть о взятіи Царяграда помѣщена подъ 1204 г. вслѣдъ за извѣстіемъ о конскомъ морѣ въ Новгородѣ, а именно на мѣсто краткаго сообщенія о взятіи Царяграда, читавшагося въ Соф. временникѣ (ср. выше); повѣсть о Глѣбѣ Рязанскомъ Тимоѳей помѣстилъ подъ 1218 г. Также, вѣроятно, онъ поступилъ и съ остальными повѣстями. Но трудъ Тимоѳея, какъ замѣчено и выше, дошелъ до насъ не вполне: сохранилось только 7 тетрадей имъ написанныхъ; остальные исчезли въ концѣ свода или можетъ быть по ветхости, или какой другой причинѣ, замѣнены въ тридцатыхъ годахъ XIV в. продолженіемъ, написаннымъ новымъ почеркомъ. Повѣстно, что ни въ какомъ случаѣ нельзя думать, что Тимоѳей окончилъ переписку, дойдя до фразы „а Новгородѣцъ ту убиша“ въ описаніи 1234 года: сама рукопись, въ которой эта фраза приходится въ концѣ 15-ой сохранившейся тетради, при чемъ за нею слѣдуютъ съ новою нумераціею тетради, исписанныя рукою XIV в.—доказываетъ, что трудъ Тимоѳея продолжался и далѣе.

Въ томъ же видѣ, въ какомъ пономарь Тимоѳей, нашелъ сводъ Соф. временника новый продолжатель или редакторъ его. Вопросъ, когда именно былъ продолженъ Соф. временникъ, требуетъ еще дополнительныхъ изслѣдованій: для нашей основной задачи это вопросъ второстепенный и мы не будемъ на немъ останавливаться. Укажу только, что новый редакторъ внесъ повѣсти, находившіяся въ концѣ свода, подъ соотвѣтствующіе года; а именно подъ 1204 г., передъ извѣстіями о побѣдѣ Ольговичей надъ Литвой, о смерти Мирослава и о конскомъ морѣ, онъ помѣстилъ Повѣсть о взятіи Царяграда (мы видѣли выше, что Тимоѳей помѣстилъ ее ниже указанныхъ извѣстій), вслѣдствіе чего подъ 1204 г. объ этомъ событіи рассказывается два раза: подробно—въ Повѣсти, и кратко—въ небольшомъ изъ нея извлеченіи. Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ сводчикъ разбилъ на части, помѣщенные подъ 1240, 1242, 1245 и 1251 гг. Повѣсть объ убійствѣ Михаила Черниговскаго онъ помѣстилъ подъ 1245 годомъ. Повѣсть о злодѣянствѣ Глѣба Рязанскаго онъ совсѣмъ не внесъ въ свой сводъ. Трудъ новаго редактора сохранился въ спискахъ Новг. 1-ой лѣтописи второй редакціи. Съ тѣхъ поръ текстъ XI—XIII в. Соф. временника не подвергался измѣненію и только продолжался лѣтописнымъ раз-

сказомъ о послѣдующихъ новгородскихъ событіяхъ. Въ XIV в. (а именно, вѣроятно, къ серединѣ этого вѣка) Соф. временникъ былъ значительно переработанъ замѣною древнѣйшей его части Повѣстью вр. лѣтъ, въ которую однако внесены не только предисловіе Соф. временника (помѣщенное за выписками изъ Амартола передъ 852 годомъ), но и цѣлый рядъ особенностей изъ этого древняго свода. Такъ подъ 862 годомъ изъ Соф. вр. взято извѣстіе о томъ, что Аскольдъ и Диръ воевали съ Древлянами и Улучичами, и что Олегъ былъ воеводой Игоря (ср. Новг. IV и Соф. I); подъ 882 описывается начало княженія Олега: Олегъ прикидывается, какъ и въ Соф. вр., Подъугорскимъ гостемъ (Новг. IV и Соф. I); а изъ людей высказываютъ „вои Игоревы“ (Новг. IV и Соф. I); подъ 964: „или звѣрину или *ирядину*“, вм. говядину (такъ, согласно Соф. вр., въ Соф. I по рукописи Унд. 754); подъ 1019 г. изъ Соф. вр. помѣщена Правда Русская (Новг. IV и Соф. I); подъ 1049 словами Соф. временника рассказано о пожарѣ, уничтожившемъ церковь св. Софіи, а подъ 1055 и 1058 объ епископѣ Лукѣ и оклеветаніи его Дудикой (Новг. IV и Соф. I) и т. д.

И такъ мы видимъ, что Софійскій временникъ—это лѣтописный сводъ Новгородскаго происхожденія, составленный въ началѣ пятидесятихъ годовъ XIII ст. и сохранившійся въ наиболѣе первоначальномъ видѣ въ спискахъ Новг. 1-ой лѣтописи второй редакціи. Позднѣйшіе же лѣтописные своды, какъ то Новгородская IV, Софійская I, Воскресенская и др. лѣтописи содержатъ въ себѣ выдержки и заимствованія именно изъ этого, извѣстнаго намъ Софійскаго временника.

Г Л А В А II.

Лѣтопись Вояты и вліяніе ея на первый и второй Новгородскій лѣтописный своды.

Предидущее изслѣдованіе выяснило, что 1-ый Новгородскій сводъ былъ составленъ въ 1200 году на основаніи лѣтописи Германа Вояты (съ продолженіемъ до 1196 года) и Повѣсти временныхъ лѣтъ; что вскорѣ затѣмъ составилъ 2-ой Новгородскій сводъ на основаніи сохранившихся частей 1-го свода, лѣтописи Вояты и какой то не-новгородской лѣтописи, сходной съ Пов. вр. лѣтъ. Я доказывалъ выше самостоятельное пользованіе лѣтописью Вояты вторымъ сводчикомъ тѣмъ, что во 1) изъ этой лѣтописи въ часть 1017—1074

внесены такіа Новгородскія извѣстіа, какихъ нѣтъ (какіа не вошли въ него изъ Воятовой лѣтописи) въ 1-мъ Новгородскомъ сводѣ, во 2) тѣмъ, что пользованіе указанною лѣтописью дало возможность второму сводчику исправить нѣкоторыя неточности 1-го свода и въ обѣихъ слѣдующихъ частяхъ 1077—1188 и 1188—1196 (въ этой послѣдней части оказывается пользованіе продолженіемъ лѣтописи Вояты). Отсюда слѣдуетъ, что сравнительное изученіе 1-го и 2-го Новгородскихъ сводовъ можетъ привести къ возстановленію лѣтописи Вояты. Въ этой главѣ мы постараемся выяснитъ время составленія этой древнѣйшей Новгородской лѣтописи, а также возстановитъ ея составъ. Хотя это и отвлечетъ насъ отъ прямой нашей цѣли, къ которой мы подойдемъ лишь въ 3-й главѣ, но дастъ возможность повѣрить тѣ выводы предшествовавшаго изслѣдованія, на которые будетъ опираться послѣдующая работа.

Остановлюсь еще разъ на высказанномъ выше положеніи, что всѣ новгородскія извѣстіа 2-го свода заимствованы изъ того же источника, откуда взялъ ихъ составитель 1-го свода—изъ лѣтописи Вояты. Что 1-ый сводъ пользовался этою лѣтописью, не можетъ быть сомнѣнія въ виду ясныхъ указаній въ описаніи 1144 и 1188 годовъ; что 2-ой сводъ пользовался ею слѣдуетъ съ очевидностью изъ приведенныхъ выше дополненій въ лѣтописномъ разсказѣ до 1188 къ тексту Синод. списка — оригинала, съ котораго списанъ 2-ой сводъ. Въ виду этого представляется излишнимъ предположеніе еще другого источника заимствованій новгородскихъ извѣстій для 2-го свода. — Поэтому новгородскія извѣстіа, находимыя нами во 2-мъ Новг. сводѣ, въ части до 1077 года, мы признаемъ заимствованными изъ Воятовой лѣтописи, даже если ихъ нѣтъ въ 1-омъ сводѣ. Въ числѣ этихъ извѣстій есть одно, подтверждающее справедливость нашей догадки. Подъ 1049 годомъ въ спискахъ второй ред. Новг. 1-ой лѣтописи читаемъ, послѣ извѣстіа о пожарѣ, истребившемъ церковь св. Софіи: „а ту стояла святая Софѣя конецъ Пискуплѣ улицѣ, идеже нынѣ поставилъ Сотъке церковь камѣну святаго Бориса и Глѣба, надъ Волховомъ“. Эти слова записаны, очевидно, вскорѣ послѣ 1167 года, когда была заложена эта церковь Соткомъ Сытиничемъ. Но мы знаемъ, что Воята велъ лѣтопись именно около этого времени, окончивъ ее около 1188 или въ 1188 году, когда онъ умеръ.

Обращаясь къ вопросу о составѣ лѣтописи Вояты, замѣтимъ прежде всего, что она, очевидно, отличалась отъ извѣстныхъ намъ лѣтописей Новгородскихъ, Суздальскихъ, Кіевскихъ и др. тѣмъ, что не основывалась на Нов. вр. лѣтъ и даже, вѣроятно, образовалась

совершенно независимо отъ этого лѣтописнаго свода. На это указываетъ то обстоятельство, что оба сводчика позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ 1-го и 2-го должны были прибѣгнуть одинъ къ Повѣсти вр. лѣтъ, другой къ сходной съ Повѣстью вр. лѣтъ лѣтописи для того, чтобы дополнить лѣтописный рассказъ Вояты, подробно и обстоятельно излагавшаго событія XII в.,—извѣстіями общерусскаго характера отдаленныхъ эпохъ IX—XI и начала XII ст. Если бы лѣтопись Вояты представляла изъ себя сводъ, подобный другимъ позднѣйшимъ сводамъ, врядъ ли она подверглась бы въ 1200 году перекладкѣ, а вѣроятно, продолжалась бы въ томъ же порядкѣ, какъ уже начались продолженія, приложенныя къ подлинной рукописи Вояты и доведенныя, какъ мы видѣли, до 1196 года включительно.

Но если Воята не пользовался Повѣстью вр. лѣтъ, то на чемъ онъ могъ основать свою хронологію, „положить числа между событіями“? Отвѣчая на этотъ вопросъ, замѣчу прежде всего, что есть основаніе думать, что не всѣ событія были изложены Воятою съ указаніемъ года. Если бы, напримѣръ, Воята указалъ годъ, когда въ XI в. совершилась Софія, врядъ ли бы мы нашли ту разницу между 1-ымъ и 2-ымъ Новгородскими сводами, которую находимъ теперь, въ опредѣленіи времени этого происшествія: 1-ый Новг. сводъ говоритъ, что это случилось въ 6553 (1045), а 2-ой въ 6557 (1049) году. Въ виду этого, а также того отрывочнаго характера, который имѣютъ извѣстія новгородскія до тридцатыхъ годовъ XII в., трудно допустить, чтобы они были расположены Воятою въ хронологической сѣти; между тѣмъ существованіе такой сѣти въ позднѣйшемъ лѣтописномъ рассказѣ съ тридцатыхъ годовъ XII в. является несомнѣннымъ. Я думаю поэтому, что лѣтопись Вояты разбивалась на двѣ отличныя одна отъ другой части: въ первой лѣтописный рассказъ не былъ погоднымъ, во второй шли погодныя записи.

Остановлюсь сначала на *первой* части этой лѣтописи. Подтвержденіе только что высказанному мнѣнію о ея характерѣ нахожу въ томъ обстоятельстве, что какъ 1-му такъ и 2-му сводчику пришлось заимствовать хронологическую сѣть древнѣйшихъ событій изъ другихъ источниковъ, для того чтобы вставить въ нее новгородскія извѣстія изъ лѣтописи Германа Вояты. Дѣйствительно, что иное представляетъ изъ себя часть 1017—1115 гг. Новг. 1-го свода (Синод. списокъ), какъ не хронологическую таблицу, заимствованную изъ Пов. вр. лѣтъ, съ которую только для памяти (вспомнимъ приведенныя выше слова Срезневскаго), для того, чтобы ориентироваться въ событіяхъ, записано нѣсколько извѣстій общерусскаго характера и внесены (съ 1045 г.)

рядъ извѣстій новгородскихъ? Всѣ не-новгородскія извѣстія Синод. списка находимъ и въ Пов. вр. лѣтъ, кромѣ извѣстія о рожденіи Святополка (1050 г.) и о пожарахъ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ и Новгородѣ (1111 г.): впрочемъ, можетъ быть, извѣстіе о рожденіи Святополка находилось въ первоначальныхъ спискахъ Повѣсти вр. лѣтъ, а второе извѣстіе, повидимому, заимствовано изъ лѣтописи Рюрика (пожаръ въ Новгородѣ, одновременный съ пожарами въ другихъ городахъ), но неправильно отнесено къ 1111 году вм. 1123 г. (Кіевское Подоліе горѣло не въ 1111 г., какъ читаемъ здѣсь, а въ 1123 г., см. Ипат.). Что всѣ не-новгородскія извѣстія заимствованы въ 1-ый Новгородскій сводъ именно изъ Пов. вр. лѣтъ подтверждается тѣмъ, что многія изъ нихъ оказываются явными и при томъ неумѣльными сокращеніями извѣстій Пов. вр. лѣтъ. Для доказательства приведу нѣсколько такихъ извѣстій: Синод. сп. (Новг. 1-ый сводъ): „Освящена бысть церкы святыя Богородицы Володимеромъ“, ср. Лавр.: „Священа бысть церкы святыя Богородицы, юже созда Володимеръ, отецъ Ярославъ, митрополитомъ *Θεοπεμπτομъ* (1039 г.).—Синод. сп.: „Погрѣбена бѣ 2 князя, сына Святославля: Яропѣль, Ольгъ; и крестяща кости ею“, ср. Лавр.: „Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородицы (в Володимери) (1044 г.).—Синод. сп.: „Высадиша Судислава ис поруба“, ср. Лавр.: „Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша строя своего ис поруба, сидѣ бо лѣтъ 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернецъ (1059 г.).—Синод. сп.: „Въ то же лѣто побѣдиша Половчи Святопѣлка и Мѣстислава на Трьполи“, ср. въ Лавр.: „Краткое описаніе, изъ котораго видно, что на Трьполи были разбиты Святополкъ, Владимиръ и Ростиславъ (1093 г.).—Синод. сп.: „Приде Никифоръ митрополитъ Сурьскій“, ср. Лавр.: „Том же лѣтѣ приде митрополитъ Никифоръ в Русь, мѣсяца декабря въ 6 день (1104 г.).—Синод. сп.: „Прѣставися Святославъ Переяславли“, ср. Ипат.: „Преставися Святославъ, сынъ Володимер(ъ), мѣсяца марта 16 день, и положенъ бысть во Переяславлѣ у церкви святаго Михаила (1114 г.) и т. д. Отсюда ясно, что не-новгородскія извѣстія Синод. сп. не имѣютъ оригинальнаго характера, а представляются выборкою изъ Пов. вр. лѣтъ.

Во 2-омъ сводѣ сохранена та же хронологическая сѣть, но въ нее вставлены новыя заимствованія изъ лѣтописи, сходной съ Пов. вр. лѣтъ, съ 1054 года очень обширныя: но и во 2-й сводъ всѣ не-новгородскія извѣстія попали именно изъ этого источника, чѣмъ и объясняется то, почему всѣ они встрѣчаются въ Пов. вр. лѣтъ, если

не по Лавр. и Ипат. спискамъ, то по спискамъ позднѣйшимъ, пользовавшимся болѣе древнею редакціею Повѣсти. Такъ, напр., извѣстіе о возвращеніи Казимиромъ 800 русскихъ плѣнниковъ находилось въ Пов. вр. лѣтъ, что видно изъ Соф. 1-ой, Воскр., Тверской лѣтописей, гдѣ то же извѣстіе читается въ болѣе распространенномъ видѣ (1047 г.). Отсюда слѣдуетъ вывести, что лѣтопись Вояты содержала исключительно или почти исключительно извѣстія новгородскія: все, чтоближаетъ 1-ый и 2-ой Новгородскіе своды съ Пов. вр. лѣтъ, заимствовано не изъ лѣтописи Вояты, а изъ Повѣсти вр. лѣтъ или изъ сходнаго съ нею лѣтописнаго свода.

И такъ, Воята новгородскія событія, приблизительно до начала двадцатыхъ годовъ XII ст., расположилъ не въ погодномъ порядкѣ. Но несомнѣнно онъ придерживался хронологическаго порядка, т. е. рассказывалъ о новгородскихъ событіяхъ въ ихъ послѣдовательности. Въ виду того, что первымъ новгородскимъ извѣстіемъ, читаемымъ во 2-омъ Новгородскомъ сводѣ, является извѣстіе о крещеніи Новгорода въ 989 году, можно думать, что и въ лѣтописи Вояты это извѣстіе было однимъ изъ первыхъ или даже первымъ. Г. Сениговъ въ своей статьѣ „О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода“ (Ж. М. Н. П. 1884 г. іюль с. 234), кажется, первый высказалъ мысль, что статьи, непосредственно слѣдующія въ спискахъ второй редакціи Новг. 1-ой лѣтописи за описаніемъ 989 года, стоятъ въ тѣсной связи съ этимъ описаніемъ, при чемъ эти статьи и указанное описаніе попали въ Новгородскую 1-ую лѣтопись изъ одного общаго источника. Эти статьи содержатъ въ себѣ перечни Кіевскихъ великихъ князей, князей, владыкъ и посадниковъ новгородскихъ. Дѣйствительно, связь между этими перечнями и извѣстіемъ о крещеніи Руси и Новгорода ясна; перечни начинаются словами: „а се по крещеніи, о княженіи Кіевьстѣмъ“; кромѣ того, не предположивъ такой связи, нельзя понять, почему эти перечни помѣщены не въ началѣ лѣтописи, а за описаніемъ 989 года. Въ виду всѣхъ предшествующихъ выводовъ, я понимаю эту связь такъ, что составитель 2-го Новгородскаго свода, выписавъ изъ лѣтописи Вояты описаніе 989 года, списалъ вслѣдъ за нимъ и другія статьи изъ той же лѣтописи, придавъ имъ видъ перечней князей, владыкъ и посадниковъ и выдѣливъ изъ нихъ тѣ извѣстія, которыя могли быть приурочены къ извѣстному году, а потому войти въ хронологическую сѣть 1017—1120 гг. И такъ, лѣтопись Вояты представляла изъ себя лѣтописный рассказъ, сходный по своему характеру съ содержаніемъ статей, читаемыхъ теперь въ спискахъ второй редакціи Новгородской лѣтописи.

Ср. въ перечнѣ князей новгородскихъ: „И по преставленіи Володимировѣ в Новѣгородѣ, Изяславъ посади сына своего Мьстислава; и побѣдиша и на Черехи; бѣжа къ Кыеву, и по взятѣи города преста рать“. Образцы подобныхъ лѣтописей находимъ и въ другихъ лѣтописныхъ статьяхъ, встрѣчаемыхъ въ позднѣйшихъ новгородскихъ сводахъ; ср. напр., въ Приложеніяхъ къ Комиссіонному сп. Новг. 1-ой лѣтописи: „Лука Жидята бысть епископомъ лѣтъ 23; положенъ за святою Софьею в Новѣгородѣ; а преставися, ѣдя с Кіева, на Копысѣ, октовріа мѣсяця въ 15. А Стефана в Кіевѣ свои холопѣ удавиша; бѣ въ епископи 8 лѣтъ. А Феодора свой песъ уяде и с того умре; бѣ в епископи лѣтъ 9“ и т. д. И такъ, лѣтопись Вояты, вслѣдъ за рассказомъ о крещеніи Новгорода, содержала въ себѣ лѣтописный рассказъ, расположенный по великимъ князьямъ кіевскимъ, князьямъ и владыкамъ новгородскимъ: въ этой лѣтописи были указаны года, сколько какой князь княжилъ, сколько каждый владыка епископствовалъ; а событія располагались по княженіямъ или по времени епископства владыкъ. Ниже мы остановимся на вопросѣ, какъ именно пользовались составители 1-го и 2-го Новгородскихъ сводовъ Воятовой лѣтописью: мы приведемъ тогда вѣроятное указаніе, напр., на то, что время пожара, истребившаго св. Софію, было опредѣлено въ лѣтописи Вояты указаніемъ, въ какой годъ епископства владыки Луки имѣло мѣсто это происшествіе, вслѣдствіе чего и произошла разни́ца между расчетомъ 1-го сводчика (не принявшаго во вниманіе 5 лѣтъ, протекшихъ между смертью Акима и поставленіемъ Луки) и 2-го. Перехожу теперь ко второй части лѣтописи Вояты, гдѣ, какъ указано выше, соблюденъ былъ въ лѣтописномъ рассказѣ погодный порядокъ.

Спрашивается, какое событіе или какое соображеніе дали Воятѣ поводъ къ опредѣленію перваго, записаннаго имъ въ своей лѣтописи года? Составитель Повѣсти вр. лѣтъ началъ свою лѣтопись съ 852 года, высчитавъ что въ этомъ году (6360) вступилъ на столъ греческій императоръ Михаилъ, при которомъ Русь впервые совершила набѣгъ на Царьградъ. Воята могъ, конечно, знать годъ отъ сотворенія міра, въ который онъ работалъ надъ своею лѣтописью, и могъ начать расчетъ съ этого именно года; но мы видѣли выше, что онъ началъ составлять лѣтопись не ранѣе 1167 года (когда Сотко заложилъ церковь Бориса и Глѣба). Трудно допустить, чтобы Воятѣ удалось рассчитать послѣдовательность предшествующихъ 40 или 50 лѣтъ, путемъ отсчитыванія отъ того только года, когда онъ приступилъ къ своей работѣ. Мы находимъ основаніе думать, что годомъ, съ кото-

раго началъ счетъ Воята, отсчитывая извѣстное число лѣтъ для опредѣленія событій болѣе древнихъ, присчитывая къ нему годъ за годомъ для опредѣленія событій послѣдующихъ, былъ 1136 годъ (6644-й). Дѣйствительно, Воята первый разъ указываетъ индиктъ именно при этомъ годѣ; въ описаніи этого года сказано, что Святославъ Ольговичъ прибылъ въ Новгородъ 19 іюля „преже 14 каланда августа, а лунѣ небесной въ 19 день; ниже при извѣстіи о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ сентябрѣ, указано, что въ то время уже насталъ 15-ый индиктъ; слѣдующій 6645 годъ обозначенъ 15 индиктомъ. Замѣчу, что индиктъ въ лѣтописи Вояты указанъ еще только при двухъ годахъ 1168 и 1178. Естественно остановиться на вопросѣ, почему вниманіе Вояты обратили на себя 1136 и 1137 года, почему онъ счелъ возможнымъ такъ подробно описать ихъ хронологическіе признаки. Я думаю, что основаніе этому слѣдуетъ искать въ знакомствѣ Вояты съ сочиненіемъ Кирика, доместика Антоновскаго монастыря въ Новгородѣ: „Ученіе, имже вѣдати челоуѣку числа всѣхъ лѣтъ“¹. Кирикъ написалъ руководство для хронологическихъ вычисленій и опредѣленія индикта, круга солнечнаго, круга луннаго, високостныхъ годовъ и т. д. Весьма вѣроятно, что Воята, неопытный и несвѣдущій въ этихъ вопросахъ, что видно изъ первой части его лѣтописи, гдѣ онъ не сумѣлъ установить погоднаго порядка въ своемъ изложеніи, обратился къ „Ученію“ Кирика. Кирикъ ясно обозначилъ хронологическое мѣсто того года, въ который писалъ свое руководство: это былъ 6644 (1136) годъ, отъ котораго до исполненія седьмой тысячи—356 лѣтъ, индиктъ этого лѣта 14-й, кругъ солнца 8-й, луны 13-й; этотъ годъ приходился въ царствованіе царя греческаго Іоанна и въ *первый* годъ княженія въ Новгородѣ Святослава Ольговича (очевидно, Кирикъ писалъ между 19 іюля и 1 сентября 1136, когда наступилъ 15-ый индиктъ). Мы видѣли выше, что Воята располагалъ свой лѣтописный рассказъ по княженіямъ великихъ князей кіевскихъ и князей новгородскихъ. Сочиненіе Кирика, гдѣ былъ точно означенъ годъ вступленія Святослава Ольговича на столъ, не могло не обратить на себя вниманія Вояты, и заимствовавъ изъ него 6644 (1136) годъ, Воята „положилъ числа“ отъ этого года. Вотъ почему Воята такъ подробно остановился на хронологическомъ опредѣленіи 6644 года: онъ

¹ Статья Кирика еще не дождалась ученаго изданія; по неполному списку она издана митр. Евгеніемъ въ Трудахъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1828 г. ч. IV; болѣе исправный списокъ въ рукописи Погод. собранія. См. Бобынинъ, Сост. матем. знаній въ Россіи до XVI в. Ж. М. Н. II., 1884, апрѣль.

у Киррика нашелъ, что индиктъ этого года 14-й, что въ сентябрѣ 6644 года наступилъ 15-й индиктъ („вѣдомо буди, яко индиктъ настаетъ мѣсяцемъ Сентебремъ“). Зная, что Всеволодъ Мстиславичъ, предшественникъ Святослава Ольговича, сидѣлъ на княжескомъ столѣ 20 лѣтъ (ср. въ статьѣ подъ 989 годомъ по Ком. списку Новг. 1-й лѣтописи: „а в Новгородѣ посади сына своего Всеволода, и сѣдевъ Всеволодъ 20 лѣтъ, и выгнаша и, введоша Святослава сына Ольгова“, изд. стр. 67), Воята получилъ возможность начать погодный рассказъ съ 6625 (1117) года, который онъ опредѣлилъ, вычтя 20 лѣтъ изъ 6644 года. Итакъ мы предполагаемъ, что вторая часть Воятовой лѣтописи, гдѣ рассказъ, въ противоположность первой, былъ расположенъ погодно, начиналась съ 1117 года. Къ этому выводу мы подходили и раньше, основываясь на томъ, что съ этого именно года начинается большее число новгородскихъ извѣстій¹ и уменьшается число извѣстій общерусскихъ, заимствованныхъ изъ Пов. вр. лѣтъ и ея продолженія и вставленныхъ сводчикомъ 1-го Новгородскаго свода въ лѣтописный рассказъ Вояты².

Когда же именно составлена лѣтопись Вояты, или точнѣе, съ какого именно года началъ Воята описывать дѣла минувшихъ дней и вести лѣтопись событій современныхъ? Я думаю, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить очень опредѣленно. Разсматривая перечни новгородскихъ князей, владыкъ и посадниковъ, помѣщенные въ спискахъ второй редакціи Новг. 1-й лѣтописи подъ 989 годомъ, видимъ, что всѣ они продолжены до первой половины XV в.; но списокъ Кіевскихъ великихъ князей не могъ быть продолженъ позднѣйшими сводчиками и переписчиками, очевидно, по недостатку свѣдѣній. Слѣдуетъ поэтому допустить, что списокъ этотъ, составленный по даннымъ Воятовой лѣтописи сводчикомъ 2-го Новгородскаго свода, содержитъ въ себѣ только тѣхъ великихъ князей кіевскихъ, о которыхъ Воята говорилъ въ первой части своего труда, содержавшей лѣтописный рассказъ въ непогодномъ изложеніи (о существованіи такого списка въ этой части труда Вояты, ср. ниже). Послѣднимъ великимъ

¹ Подъ этимъ годомъ рассказано четыре новгородскихъ извѣстія; до 1117 года мы только подъ 1045, 1097, 1105, 1108, 1113 гг. находимъ по два новгородскихъ извѣстія, заимствованныхъ не изъ Пов. вр. лѣтъ.

² Такихъ извѣстій можно указать только два, а именно подъ 1123 (паче церкв св. Меланѣа въ Переяславѣ) и подъ 1128 (смерть Бориса Полоцкого). Другія извѣстія, каковы помѣщенные подъ 1122, 1125, 1132, могутъ быть и новгородскаго происхожденія.

княземъ въ этомъ спискѣ названъ Ростиславъ Мстиславичъ: ~~этотъ~~ князь сидѣлъ, какъ извѣстно, въ Кіевѣ восемь лѣтъ, съ 1159 ~~г.~~ (Ипат.) по 1167 г. (онъ умеръ въ мартѣ этого года, Ипат.). ~~Уже~~ 15 мая того же 1167 г. (Карамзинъ, И. Г. Р. II, прим. 417) ~~на~~ Кіевскій столъ сѣлъ племянникъ Ростислава Мстиславъ Изяславичъ. ~~Объ этомъ событіи~~ ~~подъ 1167 годомъ~~ читаемъ и въ лѣтописи ~~Вояты~~ (вошедшей въ 1-ый Новгородскій сводъ). И заключаю отсюда, что списокъ Кіевскихъ великихъ князей составленъ Воятою до 15-го ~~мая~~ 1167 г. или до того числа, когда въ Новгородъ пришла вѣсть о событіи этого дня. Съ другой стороны, мы видѣли выше, что Воята началъ свою лѣтопись послѣ того, какъ Сотко поставилъ церковь Бориса и Глѣба: закладка этой церкви совершилась весною 1167 года (на ту же весну заложил...). Соображая эти оба обстоятельства и ~~видя~~ въ виду, что эта церковь могла быть выстроена въ два или въ три мѣсяца (ср. „идеже нынѣ поставилъ Сотке церкви камену“... при описаніи 1049 г.),¹ я заключаю, что *Воята началъ свой лѣтописный трудъ лѣтомъ 1167 года*, когда въ Новгородѣ еще не было извѣстія о вступленіи на великокняжескій столъ Мстислава Изяславича: во когда Воята дошелъ въ своей работѣ до описанія событій 1167-го года, въ Новгородѣ уже дошла вѣсть о кіевскомъ событіи 15 мая. Вотъ почему извѣстіе о томъ, что Мстиславъ „сидѣ Кіевѣ на столѣ“ поставлено раньше извѣстія о закладкѣ церкви Бориса и Глѣба, хотя послѣднее событіе предшествовало первому.—Нахожу еще указаніе на то, что только начиная съ 1168 г. лѣтописецъ приступаетъ къ разсказу о событіяхъ ему современныхъ, въ томъ, что этотъ (6676-й) годъ обозначенъ по индикту (индикта перваго). Вспомнимъ, что съ 1137 года ни разу не встрѣтилось указанія индикта, а послѣ 1166 г. индиктомъ обозначенъ еще только 1178 годъ. Замѣчу, что изъ всего предидущаго слѣдуетъ, что въ первой части труда Вояты былъ помѣщенъ перечень великихъ князей кіевскихъ. Слѣдовательно, можно думать, что Воята отдѣлилъ главныя событія общерусскія отъ событій новгородскихъ.

Весьма интереснымъ представляется вопросъ, по какимъ источникамъ могли составиться данныя, сообщенныя Воятою, о дрезвѣвшихъ событіяхъ новгородскихъ. Былъ ли у него предшественникъ?

¹ Ср. въ описаніи 1179 г. указаніе на постройку каменной церкви св. Благовѣщенія въ семидесятидневный срокъ; въ Лавр. лѣт. подъ 1218 г. каменная церковь воздвигается и оканчивается въ четыре мѣсяца. Освящена ~~церковь~~ Бориса и Глѣба въ 1173 году, очевидно, послѣ окончательной ~~отдѣлки~~.

Какими письменными документами могъ онъ воспользоваться? На первый вопросъ отвѣтить очень трудно: я мало занимался Іоакимовскою лѣтописью и ничего не могу сказать о ея существованіи¹. Но на второй вопросъ можно съ увѣренностью отвѣтить, что въ числѣ документовъ Вояты могли быть записи о церковныхъ событіяхъ, которыя, можетъ быть, велись у св. Софіи или во владычнемъ дворѣ. Въ этихъ запискахъ обозначались числа лѣтъ епископства новгородскихъ владыкъ, а также важнѣйшія событія церковной жизни, иногда весьма точно опредѣляемые числомъ мѣсяца, днемъ недѣли, когда они случились; при этомъ нерѣдко отсутствовало указаніе на годъ—ясный признакъ современной записи. Ср. въ спискѣ новгородскихъ епископовъ, приложенномъ въ Ком. сп. Новг. 1-ой лѣтописи: „а Никита преставися мѣсяца генуаря въ 30; Лука ...преставися, ѣдя с Кіева, на Копысѣ, октовріа мѣсяца въ 15“ и т. п. безъ обозначенія годовъ.

Выше мы видѣли, что лѣтопись Вояты вошла въ составъ 1-го *Новгородскаго лѣтописнаго свода*. Повидимому, во второй своей части, расположенной погодно, т. е. съ 1117 года, она вошла въ этотъ сводъ почти цѣликомъ: незначительные пропуски объяснены нами выше, какъ ошибки и неточности переписчика. Но первая часть ея не могла во всемъ своемъ составѣ войти въ этотъ сводъ уже вслѣдствіе того, что сводчикъ, принявшій подъ вліяніемъ Повѣсти вр. лѣтъ систему погоднаго разсказа, не зналъ, подъ какой годъ помѣстить то или другое значившееся въ лѣтописи Вояты событіе. Вотъ почему, напр., онъ не могъ сказать, когда именно княжилъ въ Новгородѣ Мстиславъ Изяславичъ (внукъ Ярослава) и кѣмъ, въ какой годъ онъ былъ побѣжденъ на Черехѣ и долженъ былъ пропустить это извѣстіе Воятовой лѣтописи.—Разсмотрю новгородскія извѣстія, заключающіяся въ 1-омъ Новг. сводѣ въ части до 1017 года, и попытаюсь объяснить, чѣмъ руководствовался всякій разъ сводчикъ, подводя извѣстное событіе подъ тотъ или другой годъ. О томъ, какія новгородскія событія заимствованы сводчиками изъ Воятовой лѣтописи въ части до 1016 года, мы, конечно, не можемъ ничего сказать. Первымъ новгородскимъ извѣстіемъ является слѣдующее: „Въ лѣто 6553 съгорѣ святая Софія, въ субботу, по заутряннѣ, въ часѣ 3, мѣсяца марта въ 15“. Я думаю, что въ лѣтописи Вояты объ этомъ событіи разсказывалось такъ же, какъ въ Лѣтописцѣ Новг. церквамъ Божиимъ, заим-

¹ Впрочемъ въ 3-ей главѣ укажу на Новгородскую лѣтопись, относящуюся къ XI в.

ствовавшемъ его изъ нея: „Постави владыка епископъ Іоакимъ первую церковь деревяную дубовую святыя Софіи, имущую верхъ 13; и похняся отъ огня марта в 4 день, въ субботу (по заутрыни, въ часъ 3), при второмъ епископѣ Лукѣ, в 13 лѣто“. Составитель свода знаетъ, что Іоакимъ сталъ епископствовать съ года, слѣдующаго за годомъ крещенія Руси (988); изъ Воятовой лѣтописи было видно, что Іоакимъ былъ епископомъ 42 года (Акима Корсунянина бѣ въ епископствѣ лѣта 42, ср. Прилож. въ Ком. списку, изд. с. 443). Слѣдовательно, для опредѣленія года, когда сгорѣла св. Софія, надо было, по соображенію сводчика, къ 42 прибавить 13 (13-ый годъ епископства Луки) и полученную сумму приложить къ 6497 (989) году: такимъ образомъ оказывалось, что церковь сгорѣла въ 6553 (см. болѣе точнаго 6552) году. Замѣчу здѣсь же, что расчетъ сводчика оказывается невѣрнымъ: 4 марта, указанное въ лѣтоп. Вояты, приходилось на субботу не въ 1045 (6553), а въ 1049 году¹. Ошибка произошла отъ того, что сводчикъ упустилъ въ данномъ случаѣ изъ виду, что между смертью Іоакима и епископствомъ Луки прошло 5 лѣтъ, въ теченіе которыхъ епископія находилась подъ управленіемъ Ефрема, не удостоившагося епископскаго сана². Слѣдующимъ новгородскимъ извѣстіемъ является основаніе новой церкви св. Софіи (подъ тѣмъ же 1045 г.). Очевидно, въ лѣтописи Вояты объ этомъ повѣствовалося непосредственно за сообщеніемъ о пожарѣ. Далѣе изъ этой лѣтописи взято указаніе на то, что смерть Владимира Ярославича случилась 4 октября. Подъ 1066 годомъ читаемъ: „Приде Всеславъ и взя Новгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софіе; о, велика бѣда въ часъ тѣй! и понекадила съима“; подъ 1069: „Въ то же лѣто, осень, мѣсяца октября

¹ Въ Синод. марта 15 ошибочно см. 4: 15 марта на субботу приходилось въ 1046 г. Замѣчу, что на появленіе 1045 (6553) см. 1044 (6552) года повѣданъ Пов. вр. лѣтъ, гдѣ закладка св. Софіи отнесена къ 1045 г. Отсюда извлекается указаніе на то, что составитель Начальнаго свода, лежащаго въ основаніи Пов. вр. лѣтъ, пользовался тѣми же новгородскими матеріалами, какъ Воята: на основаніи ихъ и за ошибочнымъ ощущеніемъ 5 лѣтъ, когда новгородскою епархіею управлялъ Ефремъ, высчитанъ 1045 годъ, какъ годъ закладки св. Софіи, см. 1049-го. Возможно, что составитель 1-го Новг. свода, не вдаваясь самъ въ расчеты, прямо заимствовалъ 1045 годъ изъ Пов. вр. лѣтъ.

² Ср. Лѣтописецъ церкв. Божіимъ подъ 1030 г. „И бѣ в него (Іоакимъ) мѣсто ученикъ его Ефремъ ..сей поучивъ люди 5 лѣтъ, святительству же не сподобися“. Ср. Твер. лѣтопись подъ 1059 г.: „а отъ Акима 3 (см. 5) лѣта владыки не было въ Новгородѣ“.

въ 23, на святаго Якова брата Господня, въ пятницу, въ часъ 6 днѣ, опять приде Всеславъ... а на заутрис обрѣтесе крѣсть честный Володимиръ у святѣй Софіе Новѣгородѣ, при епископѣ Федоре". Оба эти извѣстія несомнѣнно новгородскаго происхожденія. Изъ Лѣтописца церкв. Божіимъ видно, что первое извѣстіе было связано въ первоначальномъ источникѣ съ епископствомъ Стефана. Ср. въ этомъ лѣтописцѣ: „Поставиша епископа Новуграду Стеѡана. При семъ епископѣ"... Очевидно, въ Воятовой лѣтописи было сказано, что событіе это случилось въ такой то годъ (а именно на 5-ый) епископства Стефана. Сопоставляя, что епископъ Стефанъ былъ третьимъ новгородскимъ епископомъ, что второй епископъ Лука былъ епископомъ, начиная съ 1035 года, 26 лѣтъ (23 года въ Новгородѣ, а 3 года прошло въ воловѣтѣ, вслѣдствіе клеветы Дудики), что такимъ образомъ Лука умеръ, а Стефанъ вступилъ на столъ въ 1061 году, составитель 1-го Новгородскаго свода рѣшилъ, что первый приходъ Всеслава случился въ 1066 году¹. Второй приходъ Всеслава случился въ первый годъ епископства Ѳеодора, по указанію лѣтописи Вояты. А такъ какъ Стефанъ былъ епископомъ 8 лѣтъ („былъ 8 лѣтъ на епископствѣ", какъ говоритъ Лѣтописецъ церкв. Бож.), ясно, что Всеславъ подходилъ къ Новгороду и былъ разбитъ на Кземлѣ Глѣбомъ въ 1069 году. Расчетъ сводчика былъ совершенно правиленъ, такъ какъ 23 октября приходилось на пятницу въ 1069 году. Ѳеодоръ былъ епископомъ девять лѣтъ (Лѣтописецъ церкв. Бож.): слѣдовательно, заключалъ сводчикъ, онъ умеръ въ 1077 году; ср. подъ этимъ годомъ въ Синод. сп.: „прѣставися Ѳеодоръ, архиепископъ Новгородскій". Подъ 1079 годомъ указано, что смерть Глѣба въ Заволочіи случилась „мѣсяця мая въ 30". Этого пѣтъ въ Пов. вр. лѣтъ, помѣщающей событіе это подъ 1078 годъ; весьма вѣроятно, что такая подробность могла находиться въ Воятовой лѣтописи, такъ какъ Глѣбъ былъ нѣкогда новгородскимъ княземъ. Подъ 1097 годомъ находимъ извѣстіе о битвѣ новгородскаго князя Мстислава съ Олегомъ на Кулачскѣ; вслѣдъ за этимъ помѣщено извѣстіе о пожарѣ въ Новгородѣ. Вѣроятно, оба событія были соединены и въ Воятовой лѣтописи; вотъ почему, и руководствуясь Повѣстью вр. лѣтъ (гдѣ первое событіе отнесено къ концу 6604 года: „исходящю лѣту 6604, индикта 4 на полы", т. е. передъ мартомъ мѣсяцемъ новаго 6605 года, по гражданскому численію), онъ помѣстилъ оба

¹ Вѣроятно Мстиславъ Изяславичъ побѣжденъ на Черехѣ именно Всеславомъ; это ясно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ Воятовой лѣтописи: „и по взятѣ города рать преста" (см. перечень новгородскихъ князей подъ 989 годомъ).

событія подъ 1097 (6605) годъ. Второе изъ этихъ событій слѣдуетъ относить именно къ 1097 или 1096 году, такъ какъ по указанію, сохранившемуся въ Лѣтописцѣ церкв. Бож., пожаръ этотъ, угасившій по молитвѣ епископа, случился на другое лѣто святительства Никиты. Неясно, почему закладка Мстиславомъ церкви св. Благовѣрпія помѣщена составителемъ 1-го Новг. свода подъ 1103 годъ: Лѣтописецъ церкв. Бож. относитъ ее къ 1099 году. Пожаръ 1105 года помѣщенъ подъ этотъ годъ, вѣроятно, по указанію Воятовой лѣтописи на то, въ какой годъ епископства Никиты случился этотъ второй пожаръ. Смерть Никиты описана подъ 1108 годомъ, въ виду яснаго указанія, что Никита епископствовалъ 13 лѣтъ (съ 1195 г.). Начало епископства Іоанна отнесено къ 1110 году, можетъ быть по яскому указанію (помѣщенному составителемъ 2-го свода подъ 1090 г.), что онъ сидѣлъ владыкою 20 лѣтъ. Пожаръ, описанный подъ 1113 годомъ, отнесенъ къ этому году, вѣроятно, потому, что сводчикъ заимствовалъ изъ лѣтописи Вояты, что онъ случился въ тотъ же годъ, когда построена церковь св. Николы: извѣстіе же о постройкѣ помѣщено подъ 1113 годъ на основаніи Повѣсти вр. лѣтъ. Закладка церкви св. Θεодора Тирона Войгостемъ отнесена къ 1115 году по какому нибудь основанію, заключающемуся въ той же Воятовой лѣтописи. Событія 1117 и слѣд. годовъ были, какъ мы видѣли выше, изложены Воятою въ погодномъ разсказѣ, т. е. во второй части лѣтописи, цѣликомъ внесенной почти безъ дополненій въ 1-ый Новг. сводъ.

Разсмотрѣвъ, какъ пользовался сводчикъ 1-го Новг. свода Воятовой лѣтописью, остановлюсь на томъ, какъ воспользовался ею составитель 2-го свода. Я думаю, что этотъ 2-ой сводчикъ, духовное лицо, принадлежавшее къ причту св. 40 Мученикъ, задался цѣлью возстановить лѣтописный сводъ, хранившійся при церкви св. Іакова и утратившій двѣ трети своихъ листовъ въ какой-нибудь несчастный случай. Можетъ быть, онъ даже видѣлъ погибшія тетради и имѣлъ возможность познакомиться съ содержаніемъ утраченной части свода. Какъ бы то ни было, ясно, что 1-ый сводъ служилъ образцомъ для 2-го свода. Можетъ быть 2-му сводчику удалось бы даже возстановить древнѣйшую часть свода въ томъ именно видѣ, какъ онъ читалъ ее въ рукописи церкви св. Іакова, если бы ему встрѣтился экземпляръ Повѣсти вр. лѣтъ. Но онъ не могъ найти Повѣсти вр. лѣтъ; ему попался другой лѣтописный сводъ, весьма сходный съ Повѣстью: онъ и рѣшилъ возстановить начало свода по ней. Вслѣдствіе до 989 года трудъ сводчика состоялъ въ перепискѣ этого своего оригинала; подъ 989 годомъ онъ описалъ крещеніе Новгорода на оснѣ-

ваніи Воятовой лѣтописи, вспомнивъ, можетъ быть, что и въ предшествовавшемъ сводѣ въ этомъ мѣстѣ была сдѣлана изъ Вояты вставка въ лѣтописный рассказъ изъ Повѣсти. Вслѣдъ за этимъ первымъ заимствованіемъ изъ Вояты, можетъ быть, опять по примѣру своего предшественника, онъ списалъ *сокращенно* и, вѣроятно, съ редакціонными измѣненіями въ самомъ расположеніи матеріала, первую часть Воятовой лѣтописи, выпустивъ изъ нея почти всѣ извѣстія о различныхъ событіяхъ и оставивъ лишь голые перечни князей, владыкъ, посадниковъ (мы видѣли выше, что, повидимому, самъ Воята далъ образецъ такихъ перечней, составивъ голый перечень великихъ князей Кіевскихъ). Вслѣдъ за этимъ сводчикъ опять обратился къ своему оригиналу—лѣтописи сходной съ Повѣстью вр. лѣтъ и списалъ его, вѣроятно, цѣлкомъ, вплоть до 1016 года. Свои сплошныя заимствованія изъ лѣтописи онъ прекратилъ, слѣдовательно, тамъ же, гдѣ ихъ останавливалъ сводчикъ 1-го свода. Вслѣдъ за этимъ онъ естественно обратился къ сохранившейся части 1-го свода и не заглядывая въ другіе источники, началъ списывать хронологическую сѣть 1017—1043 года, дѣлая нѣкоторыя измѣненія въ редакціи извѣстій и выпуская наиболѣе неясныя изъ нихъ. Такъ онъ выпустилъ извѣстія объ освященіи церкви св. Богородицы „Володимиромъ“ (1039 г., см. выше), а также о походахъ Владимира Ярославича на Емь (1042) и на Греки (1043 г.), равнымъ образомъ о погребеніи костей Ярополка и Олега. Такимъ образомъ на протяженіи 1017—1044 годовъ 2-й сводчикъ заполнилъ только четыре года. Вѣроятно, это обстоятельство — скудость и краткость извѣстій оригинала—побудило сводчика заглянуть въ другіе свои источники, а именно въ лѣтопись Вояты и въ лѣтопись, сходную съ Пов. вр. лѣтъ. Въ Воятовой лѣтописи онъ нашелъ два извѣстія, по соображенію сводчика близко относившихся къ 1044 году: о походѣ Ярослава на Литву (по Пов. вр. лѣтъ 1040 г.) и о закладкѣ каменной стѣны вокругъ Новгорода: стѣна эта, по словамъ Вояты, какъ можно заключать изъ свидѣтельства Лѣтописца церкв. Бож. подъ 1116 г., стояла 47 года; слѣдовательно, отсчитывая 74 отъ 1116 года, видимъ, что правильнѣе было бы относить это событіе къ 1042 году. Соображенія, которыми руководствовался составитель 2-го свода, помѣстивъ и то, и другое событіе подъ 1044 г., неясны. Подъ слѣдующимъ 1045 г., какъ мы видѣли выше, въ первомъ Новг. сводѣ читалось о двухъ событіяхъ: о пожарѣ истребившемъ св. Софію и о закладкѣ новой церкви. Но составитель 2-го свода сохранилъ только второе извѣстіе (не замѣтивъ, очевидно, его внутренней связи съ первымъ), вѣроятно, потому, что такое извѣстіе онъ встрѣтилъ въ лѣтописи сходной съ

Пов. вр. лѣтъ (ср. Лавр. подъ 1045 годомъ: „Заложи Володимиръ сн-тую Союю Новѣгородѣ“); что до перваго извѣстія, то онъ помѣстилъ его подъ 1049 годъ, повѣривъ расчетъ, сдѣланный сводчикомъ перваго свода, на основаніи данныхъ Вояты. Сводчикъ втораго свода принялъ во вниманіе тѣ 5 лѣтъ, когда епископская кафедра изъ Новгорода была вакантна, и 13-й годъ епископства Луки опредѣлилъ приложеніемъ къ 6497 (989) году не 56, а 60 лѣтъ. Такимъ образомъ, пожаръ св. Софіи описанъ подъ 1049 г. и тутъ же прибавлено замѣчаніе Вояты, о томъ, что св. Софія стояла тамъ, гдѣ нынѣ поставлена Сотко церковь Бориса и Глѣба. Подъ 1050 годомъ сказано, что св. Софія окончена постройкой: очевидно, у Вояты стояло, что оконченіе церкви и ея освященіе имѣли мѣсто на другой годъ послѣ ея закладки. Подъ 1050 г. составитель втораго свода опустилъ извѣстіе 1-го свода: „родися Святопѣлкѣ“, вѣроятно, потому, что его не было въ лѣтописи, сходной съ Пов. вр. лѣтъ. Слѣдующее новгородское извѣстіе находимъ подъ 1055 годомъ, такъ какъ извѣстія подъ 1047, 1051, 1052, 1053, 1054 взяты или распространены изъ другого не-новгородскаго источника нашего сводчика¹. Подъ 1055 годомъ мы читаемъ объ оклеветаніи епископа Луки холономъ Дудикомъ и о пребываніи Луки по этому дѣлу въ Кіевѣ въ теченіе трехъ лѣтъ: вотъ почему возвращеніе Луки помѣщено подъ 1058 годъ. Вѣроятно сводчикъ дошелъ сначала до опредѣленія 1058 года: прибавивъ къ 6544 году (когда Лука, согласно указанному выше расчету, началъ епископствовать) 23 года епископства Луки, сводчикъ заключилъ, что онъ умеръ въ 6567 году; слѣдовательно, его оправданіе и возвращеніе изъ Кіева сводчикъ былъ вправѣ отнести къ предшествующему 6566 (1058) году, а клевету Дудики къ 1055 году. Впрочемъ сводчикъ ошибся: Лука не вернулся въ Новгородъ („прия свой столъ въ Новѣгородѣ“), а умеръ на обратномъ пути въ Конышѣ и при томъ не на 23-й, а на 27-ой годъ святительства, какъ основательно замѣтилъ Тверской лѣтописецъ (подъ 6568 г.). Начиная съ 1059 года, составитель 2-го Новг. свода сталъ цѣликомъ списывать свой не-новгородскій оригиналъ, не заглядывая ни въ 1-ый Новг. сводъ, ни въ лѣтопись Вояты. Онъ списывалъ его, вѣроятно, до того мѣста, гдѣ онъ обрывался, а именно до описанія шестого дня предсмертной болѣзни св. Феодосія Печерскаго (подъ 1074 г.). Съ 1075 года 2-ой сводчикъ обратился

¹ Впрочемъ прибавленіе при 4 октября 1052 года, днѣ смерти Владимира Ярославича, „въ недѣлю“, основано, вѣроятно, на лѣтописи Вояты: 4 октября этого года дѣйствительно приходилось въ воскресенье.

опять къ 1-му своду и списалъ его вплоть до 1200 года, лишь изрѣдка справляясь съ лѣтописью Вояты и исправляя на основаніи ея неточности или недомолвки оригинала.

Изъ всего предидущаго я вывожу цѣлый рядъ заключеній, подтверждающихъ сдѣланные уже выше выводы о взаимномъ отношеніи 1 и 2 сводовъ Новгородскихъ: о томъ, что оба сводчика независимо другъ отъ друга пользовались лѣтописью Вояты и дополняли ее извѣстіями объ общерусскихъ событіяхъ изъ разныхъ источниковъ, о составѣ Воятовой лѣтописи и т. д. Не стану повторять этихъ заключеній и прежнихъ выводовъ, такъ какъ они были изложены выше съ достаточною полнотой. Замѣчу только, что Воятовою лѣтописью въ древнѣйшей ея части пользовались не одни составители 1-го и 2-го Новгородскихъ сводовъ, но и многіе позднѣйшіе лѣтописцы; такъ называемыя 2-ая и 3-ья Новгородскія лѣтописи ясно отражаютъ вліяніе или самой Воятовой лѣтописи, или общихъ съ нею лѣтописныхъ источниковъ.

Перехожу къ описанію той не-новгородской лѣтописи, сходной съ Повѣстью вр. лѣтъ, которую составитель 2-го Новгородскаго свода положилъ въ основаніе своего труда и которую онъ, въ части отъ 1016 до 1074 года, дополнялъ извѣстіями лѣтописи Германа Вояты.

ГЛАВА III.

О составѣ начальнаго Кіевского свода.

Однимъ изъ главныхъ результатовъ, къ которому мы пришли въ предшествующемъ изслѣдованіи, является выводъ о томъ, что въ первой четверти XIII в. составитель 2-го Новгородскаго свода воспользовался для своего труда какою то лѣтописью не-новгородскаго происхожденія, сходною, но не тождественною съ Повѣстью вр. лѣтъ: изъ этой лѣтописи онъ заимствовалъ всю часть до 989 года, по ней же рассказалъ о событіяхъ 991—1016 г. и изъ нея же сдѣлалъ рядъ выписокъ, начиная съ 1047 года, соединивъ ихъ съ новгородскими извѣстіями; заимствованія, выписки и вообще всякое вліяніе этой лѣтописи прекращается описаніемъ смерти преп. Θεодосія подъ 1074 годомъ. За этимъ годомъ мы не встрѣтимъ во 2-мъ Новгородскомъ сводѣ никакихъ извѣстій изъ этого не-новгородскаго источника ¹.

¹ Единственнымъ исключеніемъ можетъ представляться вставка „Всеволожа дщи“ подъ 1089 г. Но замѣчу, что эти слова представляются глоссою къ

Въ виду высказанныхъ въ обѣихъ предшествующихъ главахъ соображеній, для насъ ясно теперь, что именно было причиною такого неравномѣрнаго пользованія этимъ источникомъ: мы знаемъ, что цѣлью, которую преслѣдовалъ составитель 2-го свода, было возстановить утраченныя части 1-го свода, возстановить этотъ сводъ въ его первоначальномъ видѣ, на основаніи оставшихся отъ него тетрадей, а также тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался первый сводчикъ. Вотъ почему, имѣя въ виду, что рассказъ 1-го свода сохранился только съ окончанія описанія 1016 года, 2-му сводчику пришлось всю часть до 1016 года списать изъ другихъ источниковъ: части отъ 854 до 988 включительно и отъ 991 до 1016 включительно же сняты изъ не-новгородскаго источника; описаніе 989 г. и приложенія къ нему взяты изъ лѣтописи Германа Вояты. Съ 1016 года сводчикъ рѣшилъ списывать имѣвшіяся на лицо части 1-го свода; онъ исполнилъ свое намѣреніе вплоть до описанія 1044 года. Но встрѣтивши подрядъ четыре извѣстія (подъ 1039, 1042, 1043, 1044 г.) въ своемъ оригиналѣ—краткія и невразумительныя, сводчикъ выпустилъ ихъ и, очевидно, признавъ оригиналъ свой недостаточнымъ, обратился къ другимъ источникамъ, а именно къ лѣтописи Вояты и къ тому не-новгородскому лѣтописному своду, къ изслѣдованію котораго мы теперь подходимъ. Съ 1044 года мы совсѣмъ не находимъ слѣдовъ вліянія перваго свода на второй вплоть до 1077 года: въ части 1044.—1074 включительно второй сводъ представляетъ соединеніе двухъ источниковъ только что указанныхъ. Но если предыдущее изслѣдованіе выяснило причину неравномѣрнаго пользованія вторымъ источникомъ—лѣтописью сходною съ Повѣстью вр. лѣтъ, въ предѣлахъ 854—1074 годовъ, то не дало отнюдь отвѣта на другой любопытный вопросъ, почему именно съ 1075 года прекращаются заимствованія изъ этой лѣтописи во второй Новгородскій сводъ. Нельзя сказать, чтобы съ этого года первый сводъ становился болѣе подробнымъ и вразумительнымъ; не это поэтому можно счесть причиною, почему 2-ой сводчикъ съ 1077 г. (1075 и 1076 гг. оставлены пустыми) начинаетъ акуратно списывать первый сводъ. Единственно возможными основаніями слѣдуетъ признать или то обстоятельство, что лѣтопись сходная съ Повѣстью вр. лѣтъ доводила свой рассказъ только до 1074 года включительно, или что рукопись, содержащая эту лѣтопись, обрывалась на описаніи кончины преп. Θεодосія въ

имени Янъка (подъ 1090 г.), неправильно отнесенною къ извѣстію о смерти митрополита Іоанна: „томъ же лѣтъ прѣставися Всеволожа дщи“.

1074 году. Я думаю, что правильнѣе всего допустить, что рукопись, гдѣ была эта лѣтопись, сходная съ Повѣстью вр. лѣтъ, дѣйствительно обрывалась на указанномъ описаніи: во 2-омъ Новгородскомъ сводѣ это описаніе оканчивается словами: „и обѣщавъся монастыремъ пещи“; слова эти читаются въ Повѣсти вр. лѣтъ передъ описаніемъ седьмого дня кончины Θεодосія и ни въ коемъ случаѣ не могли оканчивать собою разсказа о смерти Θεодосія, что видно даже изъ того, что вслѣдъ за ними въ Повѣсти вр. лѣтъ находятся слова „и иде отъ него“, слова, находящіяся въ одной фразѣ съ приведенными выше словами (о князѣ Святославѣ, пріѣзжавшемъ проститься съ Θεодосіемъ). Замѣчу еще, что та тщательность, которую обнаружилъ 2-ой сводчикъ при списываніи статей изъ лѣтописи, сходной съ Повѣстью вр. лѣтъ, совершенно исключаетъ всякую возможность предположить, что разсказъ 2-го свода подъ 1074 годами является сокращеніемъ того же разсказа изъ Пов. вр. лѣтъ. Правда, мы во 2-омъ Новгородскомъ сводѣ находимъ не всѣ статьи Повѣсти вр. лѣтъ, но тѣ, которыя составитель его заимствовалъ изъ сходной съ нею лѣтописи, списаны цѣликомъ, безъ сокращеній. Въ виду этого, останавливаюсь на предположеніи, что въ распоряженіи составителя 2-го свода была дефектная рукопись изслѣдуемой лѣтописи, рукопись, въ которой недоставало конца. И такъ, къ сожалѣнію мы лишены возможности по внѣшнимъ признакамъ судить о томъ, до котораго года была доведена наша лѣтопись. Ниже мы еще разъ вернемся къ вопросу о времени ея составленія.

Первою задачею изслѣдователя этой лѣтописи является, конечно, опредѣленіе ея отношенія къ Повѣсти вр. лѣтъ. Для этого требуется систематическое сопоставленіе текстовъ обоихъ лѣтописныхъ сводовъ и разсмотрѣніе тѣхъ признаковъ, которыми они отличаются. Но прежде чѣмъ перейти къ этому, я считаю нужнымъ остановиться на слѣдующихъ положеніяхъ.

Повѣсть временныхъ лѣтъ—это лѣтописный сводъ, составленный въ 1116 году (объ этомъ надѣюсь распространиться въ другой статьѣ, посвященной вопросу о двухъ древнѣйшихъ редакціяхъ Повѣсти вр. лѣтъ). Многочисленные изслѣдованія съ очевидностью доказали, что въ составъ этого свода вошли статьи изъ разнообразныхъ источниковъ, не только русскаго, но и греческаго происхожденія. Но вопросъ о томъ, собраны ли всѣ эти матеріалы послѣднимъ редакторомъ этого свода, или часть ихъ входила въ составъ другого болѣе древняго свода, легшаго въ основаніе Повѣсти вр. лѣтъ, остается открытымъ. Въ виду того, что противное до сихъ

поръ не доказано, я допускаю возможность, что Повѣсть вр. лѣт. составлена на основаніи другого, болѣе древняго свода. гдѣ ужь былъ сгруппированъ матеріалъ (или только часть его) изъ разныхъ первоисточниковъ. Я думаю, что такимъ основнымъ для Повѣсти вр. лѣт. лѣтописнымъ сводомъ, была именно та лѣтопись, которая дополненъ 2-й Новгородскій сводъ: вотъ почему я буду ее, въ изслѣдующемъ изслѣдованіи, называть „Начальнымъ сводомъ“. Изслѣдованіе мое должно привести тѣ доказательства, на которыхъ я основалъ свое мнѣніе. Для этого разбиваю это изслѣдованіе на двѣ части: въ первой привожу доказательства самостоятельности, независимости отъ Повѣсти вр. лѣт. цѣлаго ряда статей и извѣстій Начальнаго свода; во второй укажу на то, что видныя пропуски нѣкоторыхъ статей до 1016 года въ Начальномъ сводѣ, сравнительно съ Повѣстью вр. лѣт., объясняются позднѣйшимъ происхожденіемъ этихъ статей, вставкою ихъ въ основной сводъ составителемъ свода „Повѣсти вр. лѣт.“.

I. *Рядъ статей и извѣстій Начальнаго свода не могутъ быть объяснены изъ Повѣсти вр. лѣт. и представляютъ болѣе древнюю редакцію соответствующихъ частей Повѣсти вр. лѣт.* Остановлюсь сначала на нѣкоторыхъ статьяхъ, выбранныхъ на выдержку изъ всего текста (А); затѣмъ перейду къ разсмотрѣнію хронологіи Начальнаго свода (Б) и заимствованій изъ греческихъ источниковъ (В), сравнительно съ Повѣстью вр. лѣт.

А. Изъ отдѣльныхъ статей и извѣстій обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

1. Аскольдъ и Диръ, согласно Начальному своду, приходятъ въ Кіевъ и становятся тамъ владѣтельными князьями еще до призванія Рюрика. Они воюютъ съ Древлянами и Уличичами (этого извѣстія нѣтъ въ Пов. вр. лѣт.)¹. О томъ, что Аскольдъ и Диръ предводительствовали Руси въ первомъ ея нападеніи на Царьградъ, Начальный сводъ умалчиваетъ, рассказавъ объ этомъ нападеніи раньше, чѣмъ о ихъ появленіи въ Кіевѣ.

2. Послѣ Рюрика, согласно Начальному своду, княжить Игорьъ и Олегъ состоятъ его воеводой; при этомъ отношеніе Олега къ Игорю

¹ Замѣчу по поводу этого извѣстія и нѣкоторыхъ другихъ, что присутствіе ихъ въ Воскр., Тверск., Соф. 1-ой, Новг. 4-ой лѣтописяхъ объясняется заимствованіемъ не изъ Повѣсти вр. лѣт., а изъ Софійскаго предположенія, въ составъ котораго, какъ указано въ 1-ой главѣ настоящаго изслѣдованія, вошелъ 2-ой Новг. сводъ.

представляется аналогичнымъ отношенію Свѣнелда и Блуда къ Игорю, Святославу и Ярополку; ср. подъ 972 г.: „а Ярополкъ же княжа в Кіевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ“, а подъ 854: „и бысть у него (Игоря) воевода, именемъ Олегъ“.

3. Въ разсказѣ о походѣ Олега на Царьградъ находимъ извѣстіе, что Олегъ возложилъ на Грековъ дань „юже даютъ и доселѣ княземъ Рускымъ“... (въ Повѣсти вр. лѣтъ послѣдняго замѣчанія нѣтъ).

4. Олегъ, вернувшись съ похода, отправляется въ Новгородъ и оттуда въ Ладогу; могила его находится въ Ладогѣ (Повѣсть вр. лѣтъ указываетъ на могилу Олега въ Кіевѣ).

5. Свѣнелдъ воюетъ съ Древлянами и Улучичами. Игорь уступаетъ ему дань съ этихъ народовъ. Съ трудомъ, послѣ трехлѣтней осады, Свѣнелду удастся овладѣть городомъ Пересѣченомъ. Игорь отдаетъ дань съ Древлянъ Свѣнелду и вызываетъ этимъ ропотъ своей дружины. Ему же, вслѣдъ за взятіемъ Пересѣчена, Игорь отдаетъ дань съ Улучичей. Черезъ два года встрѣчаемъ опять извѣстіе объ уступкѣ Деревской дани Свѣнелду. А еще ниже, черезъ три года послѣ послѣдняго извѣстія, читаемъ о ропотѣ Игоревой дружины и о егодованіи ея на Свѣнелда, о вызванномъ этимъ обстоятельствомъ походѣ Игоря на Древлянъ и т. д. (такъ же какъ въ Пов. вр. лѣтъ). Въ Пов. вр. лѣтъ нѣтъ извѣстій о войнахъ Свѣнелда съ Древлянами и Улучичами, такъ что разсказу о ропотѣ дружины Игоревой не предшествуетъ указаніе на причины, вызвавшія этотъ ропотъ.

6. Въ Похвалѣ Владимиру подъ 1015 годомъ есть лишнее противъ Повѣсти вр. лѣтъ (Аще бо въ невѣжествѣ етера согрѣшеніа быша... живуще погыбають), но недостаетъ за то конца этой Похвалы.

7. Въ Сказаніи объ убіеніи Бориса и Глѣба есть лишніе противъ Повѣсти вр. лѣтъ мѣста. Ср. въ изд. Новг. 1-ой лѣтописи ², с. 79: „Тѣмже глаголашеть... образу змінноу“; с. 81: „срѣтоша усть рѣкы Смядинѣ“; с. 81—82: „Якоже рече Давидъ... идѣже бяху видѣли“; с. 83: „оже за руки... Ярославъ“.

8. Начиная съ 1044 года, встрѣчаемъ рядъ извѣстій, которыхъ нѣтъ въ Повѣсти вр. лѣтъ (Лавр., Ипат.). Я не привожу ихъ потому, что для нашей цѣли они ничего не могутъ выяснять: мы находимъ ихъ, и при томъ иногда въ болѣе исправномъ и полномъ видѣ, въ другихъ спискахъ Пов. вр. лѣтъ (Соф. 1-ой, Тверск., Воскр.).

Б. Обращаюсь къ хронологіи Начальнаго свода и къ заимствованіямъ изъ греческихъ источниковъ. Извѣстно, что хронологическія данныя IX и первой половины X в. Повѣсти вр. лѣтъ основаны на

данныхъ греческихъ хроникъ. Сводчикъ Повѣсти вр. лѣтъ самъ указываетъ, что первая хронологическая дата заимствуется имъ изъ греческаго источника: первый годъ въ Пов. вр. лѣтъ 6360 (852) означаетъ годъ вступленія на столъ греческаго императора Михаила, при которомъ Русь сдѣлала нападеніе на Царьградъ. Этотъ годъ основывается на данныхъ „Никифорова лѣтописца вскорѣ“, гдѣ сводчикъ нашелъ, что отъ Р. Х. до Константина прошло 318 лѣтъ, отъ Константина до Теофила 530 лѣтъ, отъ Теофила до Михаила 12 лѣтъ; рассчитавъ, что отъ Р. Х. до перваго года Михаила прошло 860 лѣтъ, и имѣя въ виду, что, по указанію того же лѣтописца, отъ С. М. до Р. Х. прошло 5500 лѣтъ, сводчикъ высчиталъ, что Михаилъ вступилъ на столъ въ 6360 году¹. Годы походовъ Аскольда, Олега и Игоря на Грековъ также основываются на письменныхъ источникахъ—неправильныхъ выводахъ изъ Амартола (ср. ниже) и точныхъ показаніяхъ доступныхъ сводчику договоровъ русскихъ съ греками. Мы увидимъ, что составитель Повѣсти вр. лѣтъ самостоятельно, независимо отъ своихъ предшественниковъ (если ихъ допустить), занимался Амартоломъ, увидимъ также, что договоры съ греками внесены въ сводъ именно имъ. Выше я высказалъ предположеніе, что составитель Начальнаго свода не только не зналъ Пов. вр. лѣтъ, но своимъ трудомъ положилъ даже основаніе этому позднѣйшему своду. Спрашивается, на чемъ же основалъ Начальный сводъ свою хронологію, которая до 945 года, замѣтимъ это теперь же, совершенно отличается отъ хронологіи Пов. вр. лѣтъ? Съ увѣренностью можно отвѣтить, что хронологія Начальнаго свода основана также на греческомъ источникѣ, при чемъ составитель свода пользовался имъ независимо и раньше составителя Повѣсти вр. лѣтъ. Разсмотримъ хронологическія даты Начальнаго свода вплоть до 945 года (года смерти Игоря): къ опредѣленію этого года сводчикъ могъ придти на основаніи данныхъ русскихъ источниковъ (число лѣтъ княженія того или другого князя, въ данномъ случаѣ Святослава, Ярополка, Владимира и т. д.). Первый годъ, съ котораго начинается лѣтописный рассказъ—это 6362 (854): нѣтъ сомнѣнія, что онъ относится къ опредѣленію событія, заимствованнаго изъ Хроники Амартола, а именно нападенія Руси на Царьградъ: „В си же времена бысть въ Грѣчьской земли царь именемъ Михаилъ, и мати его Ирина, иже проповѣдаетъ покланяніе иконамъ въ прѣвую недѣлю поста; при семъ придоша Русь на Царьградъ“ и т. д. От-

¹ Расчетъ ошибочный, какъ основанный на ошибочныхъ данныхъ: Михаилъ вступилъ на престолъ въ 6350 (842) году,

смылая доказательства того, что извѣстіе это попало въ Начальный сводъ непосредственно изъ Амартола, а не изъ Повѣсти вр. лѣтъ, ниже, останавлиюсь здѣсь на томъ, откуда взятъ сводчикомъ 6362 годъ и что собственно онъ означаетъ. Думаю, что онъ опредѣляетъ не первый годъ царствованія Михаила, а время нападенія Руси на Царьградъ. Какъ же получилъ составитель Начальнаго свода этотъ несомнѣнно ошибочный годъ? — Извѣстно, что у Амартола и у его продолжателя почти совсѣмъ не встрѣчаются года отъ С. М. Но, какъ видно изъ списковъ болгарск. перевода Амартола, въ списокѣ, доступномъ русскому лѣтописцу, былъ указанъ 6428 годъ, какъ первый годъ царствованія имп. Романа: („в лѣто 6428 индикта 8 геноуариа мѣсяца въ 6 святыхъ богоявленій день вѣнчается царь Феодору женоу его царицею“). Отсчитавъ отъ этого года 78 лѣтъ, т. е. число лѣтъ, которыя, по даннымъ Амартола, прошли отъ перваго года Михайлова до перваго года Романова (Михаилъ царствовалъ 26 лѣтъ, Василий 19 лѣтъ, Леонъ 25 лѣтъ, Александръ 1 годъ, Константинъ 7 лѣтъ), сводчикъ получилъ 6350 годъ, какъ годъ вступленія Михаила на царство. Оставалось опредѣлить по тому же Амартолу, въ какой годъ царствованія Михаила случилось нападеніе Руси. Амартолъ не давалъ для этого прямыхъ данныхъ: но сводчику показалось, что на это есть косвенныя указанія. На поляхъ противъ разсказа объ этомъ событіи сводчикъ нашелъ цифру 12 (κ'), т. е. ту самую цифру, которая читается на этомъ мѣстѣ, напр., въ болгарскомъ списокѣ Ундольскаго № 1289. Цифра эта обозначаетъ главу Амартолова разсказа: текстъ этой хроникѣ издавна разбивался на главы. Но сводчикъ принялъ ее за указаніе на годъ Михайлова царствованія, въ который случилось описанное событіе¹. Вотъ почему, при считавъ къ 6350 число 12, онъ рѣшилъ, что 6362 годъ точно опредѣляетъ время перваго похода Руси на Царьградъ. Нельзя не отмѣтить здѣсь же своеобразнаго приѣма составителя Начальнаго свода: цѣлый рядъ событій, отдѣленныхъ одно отъ другаго десятками лѣтъ, онъ помѣщаетъ подъ извѣстный годъ, опредѣляющій только, одно которое нибудь изъ нихъ; сводчикъ Повѣсти вр. лѣтъ, по возможности, избѣгалъ такой неточности. Слѣдующимъ годомъ въ Началь-

¹ Новѣйшія изслѣдованія доказали, что Русь сдѣлала нападеніе на Царьградъ при Михаилѣ въ іюнь 860 года. См. Byzant. Zeitschrift IV, 444—466; Юнаревъ въ Визант. врем., т. II, 617.

² Ср. статью въ апрѣльской кн. Ж. М. Н. П. за 1897 г., написанную мною, чѣмъ настоящее изслѣдованіе.

номъ сводѣ является 6428 (920): подъ нимъ рассказано, опять по Амартолу, о нападеніи русскихъ на Царьградъ при царѣ Романѣ, когда русская флотилія была уничтожена греческимъ огнемъ; событіе это, какъ извѣстно, случилось въ іюнѣ 941 года (Mugalt) и въ Повѣсти вр. лѣтъ отнесено именно къ этому году. Я думаю, что 6428 г. въ Начальномъ сводѣ обозначаетъ годъ вступленія на царство Романа: ближайшимъ же образомъ опредѣлить, въ какой годъ его царствованія имѣло мѣсто нападеніе Руси, сводчику не удалось. Романъ дѣйствительно вступилъ на престолъ въ 6428 (920) въ соправительствѣ съ Константиномъ (Mugalt), что и указано было въ спискѣ Амартола (ср. выше).

Подъ 6429 г. рассказывается въ Начальномъ сводѣ о сборахъ Игоря и Олега на новый походъ, а подъ 6430 о походѣ Олега на Царьградъ. Составитель свода, приводя эти года, руководствовался при этомъ, повидимому, слѣдующими соображеніями: онъ зналъ изъ русскаго источника что Игорь княжилъ 23 года (по указанію Повѣсти 33, отъ 912 до 945, ср. также подъ 852 годомъ, при чемъ, думаю 33 вм. 23 подъ вліяніемъ извѣстныхъ соображеній, на которыхъ не останавливаюсь здѣсь), что слѣдовательно онъ вступилъ на столъ въ 6430 году (въ 6453 онъ умеръ); съ другой стороны ему было извѣстно, что Игорь наследовалъ Рюрику, что въ 6428 году онъ посылалъ свои войска на Царьградъ (ср. выше); наконецъ, рядомъ со всѣмъ этимъ сводчикъ имѣлъ свѣдѣніе (можетъ быть основанное на устномъ преданіи) о побѣдоносномъ походѣ Олега, умершаго вскорѣ по возвращеніи съ него. Чтобы выпутаться изъ затрудненій, въ которое его поставило заимствованіе изъ Амартола рассказа о несчастномъ походѣ 6428 г. и собственное сообщеніе о началѣ Игорева княженія вслѣдъ за Рюриковымъ (ср. подъ 854 г.: „И сѣде Игорь княжа в Кіевѣ“), сводчикъ счелъ необходимымъ помѣстить походъ Олега подъ 6430 годъ: очевидно, думалъ сводчикъ, въ этомъ году случилась смерть Олега, иначе непонятно, какъ могъ Игорь княжить только 23 года; ясно, что счетъ идетъ со времени смерти Олега. Вотъ почему подъ 6430 годомъ, мы дѣйствительно находимъ слѣдующія извѣстія: походъ Олега, смерть Олега и сообщеніе слѣдующаго рода: „Игорь же сѣдѣше в Кіевѣ княжа“. И такъ 6430 годъ опредѣленъ составителемъ Начальнаго свода на основаніи русскихъ данныхъ о годахъ княженія Игоря. Походъ 6430 (922) года тождественъ съ тѣмъ, который въ Повѣсти вр. лѣтъ описывается подъ 907 годомъ (ср. ниже). По представленію сводчика походъ былъ предпринятъ для вознагражденія неудачи 6428 (920) года: ср. въ концѣ

описанія послѣдняго года: „томже лѣтѣ препочиша и другое, на третье идоша“.

Слѣдующими событіями, которыя сводчикъ могъ опредѣлить хронологически, были: несчастный походъ Игоря на Древлянъ и смерть его близъ Искоростѣня; они отнесены къ 6453 году на основаніи извѣстныхъ сводчику позднѣйшихъ данныхъ. Крещеніе Руси въ 6496 году было на девятый годъ княженія Владимира, слѣдовательно, Владимиръ вступилъ на столъ въ 6488 году; но братъ его Ярополкъ княжилъ 8 лѣтъ; слѣдовательно, отецъ Ярополка Святославъ умеръ въ 6480 году; отъ смерти Игоря до смерти Святослава прошло 28 лѣтъ (ср. Пов. вр. лѣтъ подъ 852 г.); слѣдовательно, Игорь умеръ въ 6453 году. Вотъ какъ разсуждалъ составитель Начальнаго свода. И такъ, между первымъ годомъ Игорева княженія, подъ которымъ сводчикъ (согласно своему приему, указанному выше) поспѣшилъ сообщить о войнахъ его съ Древлянами и Улучичами и объ уступкѣ дани Свѣнелду, и годомъ смерти Игоря, смерти стоящей въ тѣсной связи съ Деревскою данью, оказывался незаполненный промежутокъ въ 23 года. Сводчику пришлось выставить семнадцать пустыхъ лѣтъ (6431—6447); подъ 6448 онъ помѣстилъ извѣстіе о покореніи Улучичей и взятіи города ихъ Пересѣчена, о чемъ было сообщено уже подъ 6430 годомъ; подъ 6450 находимъ повтореніе извѣстія (ср. подъ 6430 г.) объ уступкѣ Свѣнелду Деревской дани, и наконецъ, подъ 6453 разсказывается о сообщенномъ уже подъ 6430 годомъ недовольствѣ и ропотѣ Игоревой дружины по поводу Свѣнелда. Мнѣ кажется яснымъ, что событія подъ 6430 и 6453 раздѣлены совершенно искусственно: уже отсюда видно, что сводчикъ работалъ надъ оригиналомъ, въ которомъ разсказъ шелъ не погодно, и старался внести въ него хронологическія опредѣленія. Ниже мы еще разъ вернемся къ этому любопытному указанію.

В. Выше было указано, что хронологія Начальнаго свода ясно доказываетъ самостоятельное пользованіе составителемъ его Хроникой Амартола. Привожу теперь данныя, подтверждающія это, а именно останавлиюсь на сравненіи текстовъ изъ Амартола въ Начальномъ сводѣ и въ Повѣсти вр. лѣтъ. Въ Начальномъ сводѣ находимъ два мѣста, заимствованныя изъ Амартола, подъ 854 и подъ 920 годами. Подъ 854 г., какъ указано выше, читаемъ описаніе нападенія Руси на Царьградъ при императорѣ Михаилѣ; соотвѣтствующее мѣсто въ Повѣсти вр. лѣтъ помѣщено подъ 866 годомъ. Въ Начальномъ сводѣ читается при этомъ слѣдующая фраза, которой нѣтъ въ Пов. вр. лѣтъ: „в си же времена бысть въ Грѣчьской земли царь, име-

немъ Михаилъ, и мати его Ирина, иже проповѣдаетъ покланяніе иконамъ въ пръвую недѣлю поста¹. Фраза эта заимствована изъ Амартола, но мать Михаила—Феодора смѣшана съ матерью Константина VI, Ириною; ср. Лѣтовникъ Амартола по сп. Ундольскаго: „Феодора... простославноу вѣроу оутверди и стыхъ иконъ поклонение проповѣдавъ. в первоую недѣлю стго поста“ (л. 353; въ Синод. св. № 148, л. 380). Въ описаніи самаго нападенія не встрѣчается именъ Аскольда и Дира, которыя приводятся Повѣстью вр. лѣтъ и являются въ видѣ позднѣйшей вставки въ спискахъ Амартола болг. редакціи, при чемъ вставка эта сдѣлана, конечно, на Руси (Аскольда и Дира мы находимъ напр. въ сп. Унд., но въ Еллинск. лѣтописцѣ ихъ нѣтъ). Это ясно указываетъ, что описаніе нападенія заимствовано Начальнымъ сводомъ непосредственно изъ Амартола. На то же наводитъ слѣдующая фраза: „таче (въ Ком. сп. тацѣ) святѣй Богородици ризу изънесъше, въ море скудь омочиша“, ср. у Амартола: „таче божественоую стья Богородица ризоу с пѣсньми изнесше, в мори скоутъ омочивше; въ Пов. вр. лѣтъ нѣтъ слова *скоутъ*: „таже божественую святая Богородица ризу с пѣсньми изнесъше в рѣку омочивша“.

Подъ 6428 (920) годомъ, какъ указано выше, приводится въ Нач. сводѣ рассказъ Амартола о набѣгѣ Руси на Царьградъ въ іюнѣ 941 года. Нельзя не замѣтить, что на передачи этого событія въ Нач. сводѣ не отразилось вліяніе житія Василія Новаго, въ противоположность Повѣсти вр. лѣтъ, заимствовавшей весь рассказъ, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, попавшихъ въ нее изъ Начальнаго свода, изъ этого житія (Веселовскій, Журн. М. Н. П., 1889 г., январь; Васильевскій, Введеніе въ Ж. Георгія Амастридскаго). Вотъ почему мы не находимъ въ Начальномъ сводѣ словъ: „иже придоша и приплуша и почаша воевати Виѣньскія страны, и воеваху по Понту до Ираклиа и до Фафлагоньски земли, и всю страну Никомидійскую поплѣнивше“. Все то, что читается въ описаніи этого набѣга въ Нач. сводѣ, находитъ полное соотвѣтствіе въ текстѣ Амартола (болг. ред., ср. текстъ, напеч. во 2-мъ столб., стр. 245, I т., II. С. Р. Л.). При этомъ открывается слѣдующая любопытная подробность: въ Повѣсть вр. лѣтъ описаніе жестокостей, произведенныхъ русскими въ окрестностяхъ Константинополя въ 941 году, попало, какъ указано В. Г. Васильевскимъ, изъ Амартола; но тамъ нѣтъ фразы, читаемой въ

¹ Въ Соф. 1-ую, Новг. 4-ую и Воскр. лѣтописи она попала изъ Соф. современника, при чемъ всѣ списки Воскресенской лѣтописи, кромѣ Каранинскаго, поправляютъ „Феодора“ вм. „Ирина“.

Нач. сводѣ: „елико же ратніи творять“, фразы, соотвѣтствующей неправильно понятому у Амартола: „елико ратному чину изъимаху“ (неправ. переводъ: *ἔσους δὲ τοῦ ἱερᾶτικοῦ κλήρου συνελάβανον*); между тѣмъ такая фраза („елико ратніи творять“) находится въ Пов. вр. лѣтъ въ описаніи жестокостей Ольговыхъ полчищъ, подступившихъ подъ Царьградъ въ 907 году: ясно, что сводчикъ Пов. вр. лѣтъ, описывая походъ 907 г., находился подъ вліяніемъ разсказа Нач. свода о походѣ 6428 года.

II. Перехожу къ разсмотрѣнію *кажущихся пропусковъ въ Начальномъ сводѣ сравнительно съ лѣтописнымъ разсказомъ Повѣсти вр. лѣтъ*, при чемъ теперь же укажу и основанія, почему эти недостающія мѣста нельзя признать пропущенными въ Нач. сводѣ, а слѣдуетъ объяснять какъ вставки, сдѣланныя сводчикомъ Повѣсти вр. лѣтъ. Согласно предвѣдущему, останавливаюсь только на части до 1016 года, такъ какъ въ части 1016—1074 мы несомнѣнно найдемъ умышленные пропуски, сдѣланные не составителемъ Нач. свода, а повгородскимъ сводчикомъ, пользовавшимся этимъ сводомъ въ началѣ XIII в. Разсмотрю отдѣльно: А. Мѣста, заимствованныя изъ греческихъ источниковъ, Б. Договоры съ греками, В. Прочіе разсказы, которыхъ нѣтъ въ Начальномъ сводѣ.

А. Въ Начальномъ сводѣ не находимъ тѣхъ заимствованій изъ греческихъ источниковъ (Амартолъ), которыя въ Пов. вр. лѣтъ читаются подъ 858, 868, 869, 887, 902, 911—915, 920, 929, 934, 942 и 943 годами. Выше мы видѣли, что составитель Повѣсти вр. лѣтъ пользовался греческимъ лѣтописаніемъ независимо и самостоятельно отъ составителя Нач. свода; слѣдовательно, отсутствіе указанныхъ мѣстъ въ Нач. сводѣ должно объясняться тѣмъ, что они вставлены въ лѣтописный разсказъ позднѣе, сводчикомъ Повѣсти вр. лѣтъ.

Б. Въ Начальномъ сводѣ не помѣщены письменные договоры русскихъ съ греками 912, 945 и 971 гг., а также предварительный договоръ 907 года. Я думаю, что всѣ эти договоры вставлены въ лѣтописный разсказъ сводчикомъ Повѣсти вр. лѣтъ. Вставка сдѣлана настолько неявно, что легко возстановить прерванную цѣпь первоначальнаго разсказа. Такъ въ описаніи 971 года фразы: 1) „и рече (Святославъ) поиду в Русь, приведу боле дружины“ и 2) „поиде (въ Русь за войсками) в лодьяхъ къ порогомъ“, по внутренней между ними связи, должны были бы слѣдовать одна за другой. Между тѣмъ онѣ разъединены извѣстіемъ о мирныхъ переговорахъ съ греками и текстомъ договора Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ. Эта вставка

начинается фразой: „и посла (Святославъ) слы ко цареви въ Деревьстрѣ, бо бѣ ту царь, рѣка сѣде: хощю имѣти миръ с тобою твердъ и любовъ“, фразой совсѣмъ не вяжущейся съ предыдущею, гдѣ говорится о намѣреніи Святослава идти въ Русь за войсками. Въ Начальномъ сводѣ мы, согласно нашему ожиданію, читаемъ: „И рече: поиду в Русь и приведу болши дружинѣ; и поиде в лодяхъ“.—Еще яснѣе вставка договора 907 года. Въ Повѣсти вр. лѣтъ, въ описаніи этого года, читаемъ, что Олегъ потребовалъ отъ грековъ большую денежную сумму и что греки согласились уплатить ее: „и яшася Греки по сеѣ. Вслѣдъ за этимъ, читаемъ: „и почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецкыи земли“ и затѣмъ слѣдуетъ текстъ договора. Очевидно что второе извѣстіе не вяжется съ первымъ: если греки обязались уплатить требуемую сумму, то, очевидно, послѣ предварительныхъ переговоровъ; имъ не зачѣмъ было послѣ этого возобновлять эти переговоры. Первое извѣстіе тѣсно связано съ фразой, отдѣленной въ Повѣсти вр. лѣтъ указанною вставкой: „и рече Олегъ (очевидно получивши откупъ съ грековъ): испийте парусы паволочиты Руси, а Словеномъ кропинныя“. Вотъ почему въ Нач. сводѣ читаемъ: „самъ же взя злато и паволоки, и возложи дань, юже дають и доселѣ княземъ Рускимъ. И рече Олегъ: шийте прѣ (обращаю вниманіе на это древнее слово, замѣненное другимъ въ Пов. вр. лѣтъ) паволочитѣ Руси, а Словеномъ кропинны“.—Что до договора 945 года, то вставка его въ Повѣсть вр. лѣтъ оказывается настолько механическою, что явно обличаетъ, каковъ былъ первоначальный ходъ лѣтописнаго разсказа. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что вся часть отъ 912 года, начиная именно съ повѣсти о смерти Олега до извѣстія о походѣ Игоря на Древлянъ въ 945 году, оказывается въ Повѣсти вр. лѣтъ вставкою противъ первоначальнаго лѣтописнаго разсказа. Дѣйствительно, начало фразы, прерванной въ описаніи 912 года, повторяется и затѣмъ продолжается подъ 945 годомъ. Вспомнимъ, что Олегъ, вскорѣ по возвращеніи изъ похода противъ грековъ, умеръ (ср. выше). Ясно поэтому, что имя Олега въ фразѣ, которую, сейчасъ приведу изъ описанія 912 года, замѣнило имя Игоря (вслѣдствіе того, что согласно даннымъ составителя Повѣсти вр. лѣтъ, Олегъ жилъ послѣ похода 907 года еще четыре года). „И живяше Олегъ (чит. Игорь) миръ ниѣ ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень (и помину Олегъ конь свой“), читаемъ мы въ Пов. вр. лѣтъ вслѣдъ за договоромъ 912 года. Что дѣло шло дѣйствительно объ Игорѣ въ первоначальномъ лѣтописномъ разсказѣ, ясно изъ Начальнаго свода, гдѣ, вслѣдъ за походомъ Олега, находимъ извѣстіе о его смерти и

затѣмъ фразу: „Игорь же сѣдѣше в Кіевѣ княжа“. Но это еще яснѣе изъ повторенія той же фразы подъ 945 годомъ, гдѣ мы читаемъ, вслѣдъ за договоромъ 945 года: „Игорь же нача княжити въ Кіевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. *И приспѣ осень* (и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань)“. Въ скобки я заключилъ конецъ фразы, котораго недостаетъ въ описаніи 912 года. Изъ словъ „нача княжити“ ясно, что вся эта фраза, заимствованная изъ древняго источника, стоитъ въ Повѣсти вр. лѣтъ не умѣста, ни въ 912 году въ приложеніи къ Олегу, который умеръ въ этомъ году, а началъ княжить въ 879-омъ, ни въ 945 году, въ приложеніи къ Игорю, скончавшемуся въ этомъ году, а начавшему княжить въ 912 году; ясно также, что въ первоначальномъ разсказѣ, не разбитомъ вставкою, фраза эта относилась именно къ началу Игорева княженія и слѣдовала за извѣстіемъ о смерти Олега. Отсюда видно, что не только описаніе Олеговой смерти, помѣщенное въ Повѣсти вр. лѣтъ подъ 912 годами вслѣдъ за словами „И приспѣ осень“ (нач. „я помяну Олегъ конь свой“), но и все послѣдующее, вплоть до указанной выше фразы въ описаніи 945 года,—позднѣйшія вставки въ первоначальный лѣтописный разсказъ, вставки, сдѣланныя сводчикомъ Повѣсти вр. лѣтъ въ свой оригиналъ. Посмотримъ, насколько такой выводъ согласуется съ содержаніемъ статей въ части 912—945 Повѣсти вр. лѣтъ. Мы находимъ здѣсь почти исключительно заимствованія изъ Амартола (начиная съ Повѣсти объ Аполлоніи Тіанскомъ), изъ житія Василя Новаго (описаніе 941 года и одинъ изъ эпизодовъ 944 г.), и наконецъ подъ 945 годомъ договоръ Игоревъ съ греками. Русскихъ извѣстій мы въ этой части Повѣсти находимъ только три; подъ 913: „И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олговѣ смерти“, подъ 914: „Иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ а и возложи на ня дань болши Олговы“, подъ 920: „А Игорь воеваше на Печенѣги“. Что до описанія 944 года (неоконченный походъ Игоря) то, конечно, онъ заимствованъ изъ того же источника, откуда договоръ 945 года. Замѣтимъ, что русскія извѣстія 913 и 914 года повторяютъ извѣстія Начальнаго свода, читаемыя вслѣдъ за разсказомъ о началѣ Игорева княженія. Слѣдовательно, разсмотрѣніе статей между тождественными фразами, приведенными выше, ясно показываетъ, что весь текстъ отъ 912 до 945 года вставленъ въ Повѣсти вр. лѣтъ. Этотъ выводъ подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что 6453 (945) годъ повторенъ дважды: передъ договоромъ съ греками и передъ описаніемъ Игоревой кончины и Ольгиной мести. И такъ, слѣдуетъ предположить, что въ оригиналъ Повѣсти вр. лѣтъ, вслѣдъ

за извѣстіемъ о смерти Олега, находилась слѣдующая фраза: „Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень (очевидно того года, въ который умеръ Олегъ) и нача мыслити на Древяны, хотя примыслити большую дань“. Вслѣдъ за этимъ слѣдовало, конечно, описаніе походовъ на Древянъ, обрывки котораго, какъ мы видѣли, попали въ Повѣсти вр. лѣтъ подъ 913 и 914 годы¹. Что же мы читаемъ въ Начальномъ сводѣ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ? Вслѣдъ за смертью Олега тамъ находится фраза: „Игорь же сѣдѣше в Киевѣ княжа и воюя на Древяны и на Угличѣ“, и затѣмъ слѣдуетъ описаніе походовъ Свѣнелда на оба эти племени. Ясно, что Начальный сводъ сокращенно (въ той его редакціи, которую читаемъ теперь въ Новгородской лѣтописи), передалъ тотъ же подлинникъ, который легъ въ основаніе Повѣсти вр. лѣтъ; а предположивъ, что сокращеніе (пропускъ словъ: „миръ имѣя ко всѣмъ странамъ... дань“) принадлежитъ позднѣйшимъ переписчикамъ, а можетъ быть составителю 2-го Новгородскаго свода, мы подходимъ къ нашему основному положенію: Начальный сводъ—это ядро, основаніе лѣтописнаго свода Повѣсти вр. лѣтъ. Послѣ всего сказаннаго о договорахъ 972 и 945 годовъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и договоръ 912 года—вставка въ первоначальный лѣтописный рассказъ.

В. Кромѣ перечисленныхъ вставокъ изъ греческихъ источниковъ и изъ какого то сборника, заключавшаго въ себѣ договоры съ греками, мы находимъ, что Начальный сводъ пропустилъ рядъ русскихъ сказаній и повѣстей. Сюда относятся:

а) Сказанія, помѣщенные передъ лѣтописнымъ рассказомъ Повѣсти вр. лѣтъ, каковы напр. преданія объ Обрахѣ, объ обычаяхъ славянскихъ племенъ, наполнявшихъ Россію, объ апостолѣ Андрѣ. Уже мѣсто, отведенное имъ въ Пов. вр. лѣтъ, ясно указываетъ, что они отсутствовали въ первоначальномъ лѣтописномъ сказаніи, начинавшемся съ 854 года.

б) Въ Нач. сводѣ нѣтъ сказанія о Кириллѣ и Меѳодіи и тѣсно связаннаго съ нимъ извѣстія объ Уграхѣ²: ничто не мѣшаетъ допустить, что сказаніе это попало въ Повѣсти вр. лѣтъ въ видѣ вставки.

в) Въ описаніи мести Ольги (946 г.) недостаетъ эпизода о по-

¹ Въ Пов. вр. лѣтъ да этой фразой. „В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игорева: отроки Свѣнлѣжи“ и т. д. Конечно, прямой внутренней связи между предыдущею фразою и этимъ нѣтъ.

² Въ Повѣсти вр. лѣтъ объ этой статьѣ читаются подъ однимъ годомъ (898), а въ Новг. 4-ой лѣтописи онѣ объединены общимъ заглавіемъ.

слѣднемъ видѣ мести: сожженіе города Деревлянъ посредствомъ воровъ. Еще князь К. М. Оболенскій въ своемъ изданіи Лѣтописца Переяславля Суздальскаго указалъ, что разсказъ объ этой послѣдней мести въ Переяславской лѣтописи представляется болѣе яснымъ и полнымъ, чѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ. Извѣстно, что Переясл. лѣтопись представляетъ въ части до 1110 года сокращеніе Повѣсти вр. лѣтъ. Если же въ одномъ только мѣстѣ¹ составитель этой лѣтописи распространилъ Повѣсть вр. лѣтъ, ясно, что онъ, или точнѣе то лицо, которое составило оригиналъ, легшій въ основаніе начала Переяславской лѣтописи², пользовалось сказаніемъ о послѣдней Ольгиной мести въ отдѣльномъ видѣ. Отсюда видно, что сказаніе это въ Повѣсти вр. лѣтъ можетъ быть вставкой; но въ особенности убѣждаетъ въ этомъ то обстоятельство, что вставка эта разъединила двѣ фразы, внутренняя связь между которыми очевидна. Передъ сказаніемъ читаемъ: „И побѣдиша (Ольга съ Святославомъ) Деревляны“; послѣ сказанія: „и възложиша (такъ въ Лавр., а во всѣхъ остальныхъ: возложи) на ня дань тяжьку“. Въ Нач. сводѣ эта фраза соединена: „И побѣдиша Деревляны, и възложиша (слѣдовательно, какъ въ Лавр.) на нихъ дань тяжьку“.

г) Въ Нач. сводѣ отсутствуетъ разсказъ о Кожемякѣ (Пов. вр. лѣтъ 992 г.) и эпизодъ о Бѣлгородскомъ киселѣ (997 г.). Думаю, что въ Пов. вр. лѣтъ это вставки, аналогичныя со вставкою сказанія объ Олеговой смерти.

д) Въ Нач. сводѣ нѣтъ извѣстій 883—885 гг. о походахъ Олега на Древланъ, Сѣверянъ, Радимичей. Я думаю, что въ первоначальной редакціи Начальнаго свода походы эти читались подъ 884 годомъ, ~~послѣ~~ ~~за~~ извѣстіемъ о дани, возложенной на Новгородъ и передъ ~~извѣстіемъ~~ ~~о~~ женитьбѣ Игоря: но походы приписывались не Олегу, а Игорю³. Ср. въ Пов. вр. лѣтъ подъ 882 г. о дани съ Новгорода,

¹ Впрочемъ другое подобное мѣсто есть въ описаніи игрищъ языческихъ ~~смыслъ~~, представляющемъ въ Пов. вр. лѣтъ заимствование изъ отдѣльнаго сказанія объ обычаяхъ славянъ.

² Такая оговорка необходима въ виду издаваемой теперь С. А. Бѣлокуромъ любопытной лѣтописи, въ части до 980 (?) года сходной съ Повѣстью вр. лѣтъ, кнѣзь шлѣ объ этомъ сообщилъ почтенный издатель.

³ На основаніи Тверской лѣтописи можно думать, что еще въ редакціи 1254 года Соф. прѣсвипера сохранилось хотя одно изъ этихъ извѣстій. Ср. подъ 882: „Лѣтъ Олегъ восвати Древланъ, и прилучи вои (вм. примучивъ ѿ), имаше ѿ нихъ дань по чернѣ кушѣ отъ дыма“. Что это извѣстіе попало въ Тверск. лѣтопись изъ Соф. пр., а слѣдовательно изъ Нач. свода, видно изъ того, что

а подъ 903 о женитьбѣ Игоря, при чемъ часть 887—902 представляетъ рядъ вставокъ (Кирилль и Меѳодій, а также заимствованія изъ Амартола). Въ теперешней редакціи Нач. свода извѣстіе объ Игоровой женитьбѣ слѣдуетъ непосредственно за извѣстіемъ о дани съ Новгорода.

Ограничиваюсь при сравненіи Начальнаго свода и Повѣсти вр. лѣтъ предложенными данными. Но прежде чѣмъ перейду къ окончательнымъ выводамъ, считаю не лишнимъ остановиться на одномъ позднѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ, воспользовавшемся, для разсказа о древнѣйшихъ событіяхъ, тѣмъ же Начальнымъ сводомъ, изъ котораго сдѣлалъ заимствованія составитель 2-го Новгородскаго свода.

Архангелогородскій лѣтописецъ, извѣстный по двумъ стариннымъ и весьма неисправнымъ изданіямъ 1781 и 1819 годовъ¹, представляется сокращеніемъ какого-то лѣтописнаго свода, отразившаго въ древнѣйшей своей части вліяніе двухъ источниковъ—Повѣсти вр. лѣтъ и Начальнаго свода. Нельзя думать, чтобы второй изъ этихъ источниковъ былъ извѣстенъ составителю оригинала Арханг. лѣтописца по Соф. временнику (=по спискамъ 2-ой ред. Новгор. первой лѣтописи); правда, этотъ составитель былъ знакомъ съ Новгородскими лѣтописями (ср. напр. извѣстіе 6558 г. объ освященіи св. Софіи), но, вѣроятнѣе думать, что источникомъ знакомства былъ не Соф. временникъ, а одинъ изъ позднѣйшихъ сводовъ, соединившихъ Повѣсть вр. лѣтъ съ нѣкоторыми заимствованіями изъ Соф. временника (каковы своды Соф. 1-ой, Новг. 4-ой, Тверск. и т. п. лѣтописей). Что заимствованія изъ *Начальнаго свода* въ Арханг. лѣтописецѣ сдѣланы не изъ Соф. временника (=списки Новг. первой лѣтописи 2-ой ред.), явствуетъ изъ того, что лѣтописныя статьи Начальнаго свода передаются въ Арханг. лѣтописцѣ въ болѣе древней и *полной* (оставляя въ сторонѣ встрѣчающіяся при этомъ сокращенія) редакціи, чѣмъ та, которая отразилась въ Соф. временникѣ. Вотъ почему Арханг. лѣтописецъ представляется весьма важнымъ источникомъ при изслѣдованіи нашего лѣтописанія.

Арханг. лѣтописецъ очень прозрачно отражаетъ вліяніе обоихъ

извѣстіе, заимствованное изъ Повѣсти вр. лѣтъ, само собою является подъ слѣдующимъ 6391 годомъ.

¹ Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Россійскую Исторію отъ 6360 (852) до 7106 (1598) года. Изданъ, повидимому, по двумъ спискамъ. Одинъ изъ нихъ, какъ видно изъ предисловія къ „Лѣтописцу Новгородскому“ (М. 1781 и М. 1819), хранился въ Архангел. архіерейскомъ домѣ подъ № 807.

своихъ источниковъ: 1) Начальнаго свода, 2) Повѣсти вр. лѣтъ (въ Новгородской редакціи). Вотъ почему на первыхъ страницахъ его мы встрѣтимся съ рядомъ несообразностей и противорѣчій. Подъ 6360 годомъ читаемъ, что Олегъ былъ *воеводой* Игоря, выросшаго и возмужавшаго еще при жизни отца; подъ 6387 Рюрикъ, умирая, передаетъ Олегу *княжестіе* и сына своего Игоря: „бѣ бо малъ велми“ (первое извѣстіе изъ Нач. свода, второе изъ Пов. вр. лѣтъ). Въ описаніи 6389 г. Олегъ, обращаясь сначала къ Смольнянамъ, а потомъ къ Аскольду и Діру, держитъ Игоря на рукахъ; между тѣмъ далѣе читаемъ: „*Игорь* же и Ольгъ, творяся мимо идуще, потаяста вои въ лодіахъ“, а изъ людей „выскакаша вои *Игоревы*“. Помѣщая „Начало земли Рускія“ подъ 6360 (852) г., составитель оригинала Арханг. лѣтописца, слѣдуетъ *Повѣсти вр. лѣтъ*, но подъ тѣмъ же годомъ приводитъ фразу изъ *Начальнаго свода*: „въ сіи же времена бысть во Грецѣхъ царь, именемъ Михаилъ, а мати его Ирина“. Слѣдую хронологіи Повѣсти вр. лѣтъ подъ 6367-ымъ годомъ, самое описаніе событій этого года составитель заимствуетъ изъ Начальнаго свода. Относя, вслѣдъ за *Повѣстью вр. лѣтъ*, походъ Аскольда и Діра на грековъ къ 6374, крещеніе болгарской земли къ 6377, начало Олегова княженія къ 6389 г., составитель слѣдуетъ *Начальному своду*, когда говоритъ о походахъ на грековъ подъ 6408 (вм. 6428) и 6430 годами, но вслѣдъ за этимъ и несмотря на то, что смерть Олега отнесена къ 6430 году, читаемъ: „Игорь же нача княжити въ лѣто 6420“; очевидно, чтобы оправдать приведенное подъ 6453 годомъ показаніе: „княжилъ Игорь князь Рюриковичъ лѣтъ 34“.

Остановлюсь подробнѣе на заимствованіяхъ Арханг. лѣтописца изъ Начальнаго свода и приведу тѣ мѣста, которыя, встрѣчаясь въ немъ въ части до 1074 года, не находятъ себѣ оправданія въ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствуютъ въ Соф. временникѣ, т. е. въ Начальномъ сводѣ редакціи Соф. временника. Всѣ такія мѣста возводятся къ первоначальной редакціи Начальнаго свода, что мы и покажемъ на нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ ниже примѣровъ. Отмѣчу, конечно, лишь наиболѣе важныя мѣста.

1. Въ Нач. сводѣ (въ ред. Соф. вр.) про Игоря и Олега между прочимъ сказано: „и начаша воевати и налѣзоста Днѣпръ рѣку и Смоленскъ градъ“. Въ Арханг. лѣтописцѣ: „и поиде (Олегъ) изъ Новаграда воевати, и налѣзоста Днепръ рѣку, и придоша подъ Смоленскъ, и стага выше города, и шатры изставиша многи разноличны цвѣты. Увѣдавши же Смольняне, и изыдоша старѣйшины ихъ къ шатромъ, и спросиша единого челоуѣка: кто сей прииде? Царь ли,

стояла при извѣстїи, что *Στεφάν* было сожжено Русью; въ Арханг. лѣтописцѣ мы читаемъ переводъ этой глоссы при извѣстїи о томъ, что „Греки замжюша судъ“, но вспомнимъ, что фраза Арханг. лѣтописца „И прїидоша... и градъ затвориша“ заимствована изъ Пов. вр. лѣтъ; ей нѣтъ соответствующей въ Нач. сводѣ. Отсюда съ необходимостью, принявъ именно во вниманіе, что описаніе 6428 года заимствовано въ Начальномъ сводѣ изъ Амартола и что этого описанія въ Повѣсти вр. лѣтъ нѣтъ, слѣдуетъ выводъ: слова „еже есть лимень“ находились и въ Нач. сводѣ въ фразѣ соответствующей приведенной выше греческой, а именно, тамъ читалось: „судъ бо еже ~~ссть~~ *лименъ* весь пожгоша огнемъ“; слова, набранныя курсивомъ, пропущены въ той редакціи Начальнаго свода, которая сохранилась въ Новгородской лѣтописи, — перенесены въ фразу, заимствованную изъ Пов. вр. лѣтъ (описаніе 907 года) въ Арханг. лѣтописцѣ или его оригиналѣ. Слѣдовательно, заключаемъ мы далѣе, въ словахъ „еже есть лимень“, сохранившихся въ одной изъ передачъ Начальнаго свода, находится еще одно лишнее указаніе на то, что составитель этого свода былъ непосредственно знакомъ съ болгарскимъ переводомъ Амартола.

3. Въ Нач. сводѣ (Новг. ред.) въ описаніи похода Олега на Царьградъ, между прочимъ, читаемъ: „И увидѣвше же, убоѣпаса Греци, и рѣша, выславше къ Ольгови: не погублай града“. Не сказано, кого именно послали Греки въ качествѣ пословъ; въ Арханг. лѣтописцѣ находимъ: „и выслаша ко Ольгови мнози Епископы, и игумены, и попы, и рѣша: „не погублай града нашего“. Замѣчу кстати, что по поводу дани, наложенной Олегомъ на Грековъ, въ Арханг. лѣтописцѣ такъ же, какъ въ Нач. св. сказано: „юже дань даютъ и доселѣ княземъ рускимъ“.

4. Въ Арханг. лѣтописцѣ, такъ же какъ и въ Нач. сводѣ непосредственно за смертью Олега (разсказанной по Пов. вр. лѣтъ, но съ замѣчаніемъ, что могила Олегова находится въ Ладогѣ), говорится о войнахъ Игоря съ Древлянами и Улучичами. Любопытно мѣсто, гдѣ читаемъ, что у Игоря былъ воевода во Ольга мѣсто, имянемъ Свиндѣль: ясное указаніе, что это извѣстіе идетъ изъ Нач. свода, который признавалъ Олега не княземъ, а воеводою.

ἐνέκρηται с. 843. Ср. лимень въ Пов. вр. л. подъ 988 г.: и ста Володимеръ объ отъ полъ города (Корсуны) влимени. Передѣлка лимень на оузмень (Блж. лѣтоп.) напоминаетъ новгор. урочище Оузмень (Новг. 1-ая подъ 1242). Миклошичъ (*Lexicon* в. ч. *жмень*) думаетъ, что это славянское слово, но примѣръ только изъ Амартола.

5. Свѣнелдъ въ описаніи 6453 года названъ не только Мистишинымъ, но и Лютовымъ отцомъ. Это могло стоять и въ Нач. сводѣ.

6. Подъ 6478 г. сказано, что Владимиръ родился отъ Малки въ с. Будотицѣ, куда Ольга сослала Малку, свою ключницу, гнѣваясь на нее. Такая подробность вѣроятно заимствована изъ Нач. свода.

7. Подъ 6561 (1053) г. помѣщенъ Церковный уставъ вел. кн. Ярослава; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и въ Нач. сводѣ онъ читался именно подъ этимъ годомъ.

И такъ, заключаемъ мы, Арханг. лѣтописецъ, или вѣрнѣе оригиналъ его, содержалъ въ себѣ рядъ заимствованій изъ очень древней редакціи Начальнаго свода, редакціи, повидимому, предшествовавшей той, которая съ одной стороны отразилась на 2-омъ Новгородскомъ лѣтописномъ сводѣ, а съ другой легла въ основаніе Повѣсти вр. лѣт. Это можно вывести какъ изъ нѣкоторыхъ вышеуказанныхъ мѣстъ, такъ и изъ болѣе мелкихъ особенностей текста Арханг. лѣтописца: укажу для примѣра, что только въ немъ сохранилось слово „еврен“, совершенно необходимое въ фразѣ: „яко же и бысть: погибоша Еюптяне отъ Моисѣя, а первое быша работающе имъ Еврен“; см. въ началѣ свода про Козаръ.

Перехожу теперь къ вопросу, какимъ путемъ долженъ идти изслѣдователь при опредѣленіи состава Начальнаго свода. Я думаю, что пока можно указать лишь два источника для возстановленія Начальнаго свода: это списки 2-ой редакціи Новгородской первой лѣтописи и Арханг. лѣтописецъ. Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ новгородскія извѣстія въ первомъ изъ этихъ источниковъ заимствованы именно изъ Начальнаго свода; но относительно части послѣ 1016 года, нельзя не замѣтить, что составитель 3-го Новг. свода, бралъ изъ Нач. свода далеко не все, при чемъ событія 1017—1046 гг., по указаннымъ во 2-ой главѣ причинамъ, совсѣмъ опущены; лишь съ 1054 года начинается, повидимому, сплошная переписка Нач. свода въ Новгородскую лѣтопись. Но и въ части до 1016 года, вѣроятно, кое-что опущено новгородскимъ сводчикомъ: мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ, напр., по поводу походовъ Олега или также событій, слѣдовавшихъ за вокняженіемъ Игоря. Такимъ образомъ, возстановить Нач. сводъ во всей его полнотѣ посредствомъ Новгородской лѣтописи, не представляется возможнымъ. Архангелогородскій лѣтописецъ лишь кое-что прибавляетъ къ тому, что даетъ главный источникъ знакомства съ Нач. сводомъ. Полнаго же возстановленія этого свода

надо ожидать или отъ новыхъ открытій въ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ, или отъ критическаго изученія Повѣсти вр. лѣтъ, сравнительно съ матеріаломъ, извлекаемымъ изъ Новгородской лѣтописи.

Скудость данныхъ для характеристики Начальнаго свода, а въ особенности то обстоятельство, что новгородскій сводчикъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не полный, а дефектный экземпляръ его, не даетъ возможности съ увѣренностью опредѣлить ни времени, до котораго доходилъ лѣтописный рассказъ свода, ни года, когда онъ составленъ.

Какъ было указано въ началѣ этой главы, нѣтъ основанія думать, чтобы Начальный сводъ оканчивался рассказомъ о смерти Θεодосія въ 1074 году. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ ясное указаніе на то, что онъ составленъ не ранѣе 1074 года. Это же указаніе подтверждается рядомъ другихъ намековъ на то, что сводъ составленъ послѣ смерти Ярослава: ср. хотя бы въ рассказѣ о дани съ Новгорода, о которой сказано въ Нач. сводѣ (Новг. ред.) „еже (т. е. которой) не даютъ“, при чемъ составитель Пов. вр. лѣтъ исправилъ: „еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ“. Въ Нач. сводѣ, между прочимъ, помѣщено сказаніе о новгородскомъ волхвѣ, котораго убилъ князь Глѣбъ при еп. Θεодорѣ (Пов. вр. лѣтъ опускаетъ имя новгородскаго епископа); мы находимъ его въ описаніи 1071 года, но, вѣроятно, оно дошло до Кіева нѣсколько позже этого года, а можетъ быть даже позже 1074 года.

Въ виду этого, я ограничиваюсь пока выводомъ, что Начальный сводъ составленъ (вѣроятно въ Кіевѣ) въ XI в. послѣ 1074 года.

Не стану останавливаться на перечисленіи всѣхъ источниковъ Начальнаго свода. Часть ихъ опредѣляется изслѣдованіями, посвященными вопросу о составѣ Пов. вр. лѣтъ. Укажу только, что въ числѣ русскихъ источниковъ находилось, между прочимъ, Сказаніе о Началѣ Руси. Внимательное чтеніе Начальнаго свода въ новгородской редакціи отрываетъ приблизительный ходъ рассказа въ этомъ Сказаніи. Такъ, напр., можно съ вѣроятностью думать, что описаніе похода Руси на Царьградъ, заимствованное изъ Амартала, прервало первоначальную цѣпь рассказа, легко возстановляемую. Послѣ фразы: „и бѣша мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихже суть Кієви Поляне и до сего дни (таково чтеніе Троицк. сп. въ началѣ Новг. 1-ой лѣтописи); бяху же погани, жруще озеромъ и кладяземъ, и рощениемъ, якоже прочіи погани“, несомнѣнно, слѣдовала въ первоначальномъ видѣ Сказанія фраза: „по сихъ лѣтахъ братія сіи изгибоша и быша обидими Древяныи и инѣми окольными“; въ Нач.

же сводѣ мы находимъ ее уже послѣ описанія похода Руси на Царьградъ. Составитель Начальнаго свода размѣстилъ Сказаніе въ хронологическую сѣть имъ составленную. Нѣтъ сомнѣнія, что событія, рассказанныя въ Нач. сводѣ въ концѣ 6430 года, а именно начало Игорева княженія и его вѣйны съ Улучичами и Древлянами, стоятъ въ самой тѣсной связи съ рассказами подъ 6453 годомъ объ Игоревої смерти въ Деревской землѣ: связь эта и существовала въ первоначальномъ Сказаніи, но въ Нач. сводѣ она совершенно насильственно порвана вставкой 22 лѣтъ, изъ которыхъ, какъ мы выше видѣли, 20 пустыхъ. Въ указанномъ Сказаніи, доходившемъ, можетъ быть, до княженія Владимира, составитель, вѣроятно, нашелъ данныя о числѣ лѣтъ княженій Игорева, Святославова, Ярополкова и т. д.; мы видѣли выше, что составитель Нач. свода зналъ откуда-то эти хронологическія данныя.

Въ числѣ источниковъ Нач. свода, можно указать еще на какія-то лѣтописныя записи новгородскаго происхожденія. Укажу на нѣкоторые извѣстія Пов. вр. лѣтъ, заимствованныя (черезъ посредство Нач. свода) изъ такихъ записей. Подъ 1024 г. находимъ извѣстіе о походѣ Ярослава изъ Новгорода въ Суздальскую землю, гдѣ былъ мятежъ и голодъ: то же извѣстіе съ такимъ же, какъ здѣсь, упоминаніемъ волхвовъ читается подъ 1071 годомъ; но въ первомъ случаѣ усмиреніе волхвовъ приписывается Ярославу, а во второмъ Яну Вышатичу. Подъ 1036 находимъ извѣстіе о поставленіи епископомъ Луки Жидяты, а княземъ Новгородскимъ Владимира. Подъ 1063 читаемъ несомнѣнно новгородское извѣстіе: „В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5; се же знаменье не добро бысть, на 4-ое бо лѣто пожже Всеславъ градъ“. Наконецъ, подъ 1071 г. находимъ рассказъ о новгородскомъ волхвѣ при князѣ Глѣбѣ. Нельзя ли на основаніи этихъ данныхъ думать, что составителю Нач. свода была извѣстна какая-то новгородская лѣтопись, доведенная до семидесятихъ годовъ XI ст.?

Въ концѣ настоящаго изслѣдованія, я долженъ былъ бы точно опредѣлить, въ какомъ именно отношеніи находится Повѣсть вр. лѣтъ къ Нач. своду, который мы признали основнымъ ядромъ лѣтописнаго свода начала XII ст. Но я рѣшилъ отложить подробное разсмотрѣніе этого вопроса до работы, посвященной изслѣдованію о двухъ редакціяхъ Повѣсти вр. лѣтъ.

А. Шахматовъ.

С.-Петербургъ,
февраль—апрѣль 1897 г.